

821.11
Н 55

A New York Times Bestseller

По оригинальной идее
ШИВАН ДООД

Патрик Несс

ГОЛОС МОНСТРА

Медаль Карнеги и Кейт Гринуэй

ЧИТАЙТЕ КНИГУ — СМОТРИТЕ ФИЛЬМ

Patrick Ness

A MONSTER CALLS

From an original idea by
SIOBHAN DOWD

Патрик Несс

ГОЛОС МОНСТРА

По оригинальной идее
ШИВАН ДОУД

- ga

РИПОЛ
КЛАССИК
Москва

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)6-445

Н55

*Перевод с английского
А. Самариной, А. Тихоновой*

Несс, П.

Н55 **Голос монстра / П. Несс ; [пер. с англ. А. Самариной, А. Тихоновой]. — М. : РИПОЛ классик, 2017. — 208 с.**

ISBN 978-5-386-09628-1

Это Тис — монстр, который появляется через семь минут после полуночи. А это Конор — мальчик, у которого есть тайна. И три истории, рассказанные Тисом. Они помогают мальчику понять себя и суть этого мира, который не делится на белое и черное.

Патрик Несс — автор трилогии «Поступь хаоса», мирового бестселлера, перевернувшего все современные представления об антиутопии. Книга «Голос монстра» впервые в истории была удостоена сразу двух медалей — Карнеги и Кейт Гринзуй. Уникальный случай в английской литературе.

Шиван Довд — британская писательница. Умерла от онкологического заболевания в возрасте сорока семи лет и была посмертно награждена медалью Карнеги за достижения в области литературы.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7Сое)6-445

Original title: A Monster Calls

© Text, 2011, Patrick Ness

From an original idea by Siobhan Dowd

Published by arrangement with Walker Books Limited, London SE11 5HJ

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, broadcast or stored in information retrieval system in any form or by any means, graphic, electronic or mechanical, including photocopying, taping and recording without prior written permission from the publisher.

© 2016 Apaches entertainment, SL; Telecinco cinema, SAU;

A Monster calls, AIE; Peliculas la Trini, SLU. All rights reserved.

© Самарина А. И., Тихонова А. А., перевод на русский язык, 2016

Quote from An Experiment in Love by Hilary Mantel Copyright

© 1995 Hilary Mantel. Reprinted by permission of A. M. Heath and Co Ltd.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2016

With thanks to Kate Wheeler

От автора

Я никогда не виделся с Шиван Доуд. Я знаю ее только по ее превосходным книгам, так можете познакомиться с ней и вы. Она написала четыре молодых увлекательных романа, два из которых опубликовали при ее жизни, остальные — после смерти, наступившей слишком рано. Если вы их еще не читали, скорее восполните этот пробел.

Эта книга стала бы пятой. Уже были и персонажи, и посыл, и завязка. Чего не было, так это, к сожалению, времени.

Когда мне предложили написать роман по ее задумке, я засомневался. Я не хотел, да и не мог подражать ее стилю. Я оказал бы медвежьё услугу и ей, и читателям, и, главное, самой истории. Невозможно создать хорошую книгу таким способом.

Но светлые мысли имеют свойство порождать другие идеи. Я и оглянуться не успел, как задумка Шиван подтолкнула меня к новым замыслам, и у меня зачесались руки от желания записать их, рассказать историю — любой творец мечтает об этой минуте вдохновения.

У меня возникло — и никуда не исчезло — ощущение, будто бы я бегун, которому замечательная писательница передала, как эстафетную палочку, свою историю и сказала: «Держи, донеси ее до всех. Твори!» И я постарался выполнить ее просьбу. Я поставил перед собой задачу написать книгу, которая, по моему мнению, понравилась бы Шиван. Все остальное было не так важно.

Пришло время передать эстафетную палочку Вам, читатель. На писателях марафон не кончается, и не важно, сколько их участвовало в забеге. Мы с Шиван создали эту историю. Держите. Передайте другим.

Творите.

*Патрик Несс,
Лондон, октябрь 2010*

Посвящается Шиван

Молодость всего одна,
но разве она не длится дольше, чем мы думаем?
Намного дольше, чем мы можем выдержать.

Хилари Мэнтел.
Любовный эксперимент

Голос монстра

Как и все монстры, этот появился сразу после полуночи.

Когда он пришел, Конор уже не спал.

Ему приснился кошмар. Не обычный кошмар, а тот самый. Тот, что последнее время преследовал его почти каждую ночь. Тот, что с мраком, ветром и криками. Тот, в котором он изо всех сил сжимал эти руки, но не мог их удержать. Тот, который всегда кончался на том, что...

— Уходи, — прошептал Конор в темноту комнаты, пытаясь отогнать кошмар, чтобы он не повторился наяву. — Уходи сейчас же.

Он оглянулся на часы, которые мама поставила на прикроватном столике. 00:07. Семь минут после полуночи. Это слишком поздно, если завтра вставать в школу, тем более, если сегодня — воскресенье.

Конор сел в кровати.

Он никому не рассказал о кошмаре. Ни маме, ясное дело, ни папе, с которым он созванивался раз в две недели (или около того), ни бабушке и, ни в коем случае, никому в школе. Ни за что.

То, что происходит в кошмаре, никому знать не надо.

Конор окинул сонным взглядом комнату и нахмурился. Он что-то упускал. Он огляделся, все еще отходя ото сна. Кошмар ускользал от него, но оставалось еще что-то, что он не мог уловить, что-то иное, что-то...

Конор прислушался, но тишину спокойного дома нарушали только поскрипывание с пустого первого этажа и шуршание маминой постели из соседней комнаты.

Больше ничего.

И вдруг он услышал. Услышал то, что, по всей видимости, его разбудило.

Кто-то звал его по имени.

— *Конор.*

На мгновение его охватил испуг, внутри все сжалось. Он пришел за ним? Каким-то образом вырвался из кошмара и...

— Не глупи, — сказал он себе. — Ты для этого слишком взрослый.

И правда. В прошлом месяце ему исполнилось тринадцать. Монстров боится ребенок. Монстров боится тот, кто писается в кровати. Монстров боится...

— *Конор.*

Вот опять. Конор сглотнул. На дворе стоял непривычно теплый октябрь, и окно комнаты было еще открыто. Может, шелест занавесок на легком ветру звучит, как..

— *Конор.*

Ясно, это не ветер. Это именно голос, но он незнакомый. И точно не мамин. Он даже не женский. У Конора мелькнула безумная мысль — может, это папа неожиданно вернулся из Америки, но приехал слишком поздно и не стал звонить и...

— *Конор.*

Нет. Не папа. В этом голосе было что-то особенное, что-то чудовищное, дикое и необузданное.

Снаружи донесся тяжелый скрип, как будто по деревянному полу ступало нечто огромное.

Ему не хотелось вставать и смотреть, что там такое. И в то же время хотелось, больше всего на свете.

Сна уже не было ни в одном глазу. Конор откинул одеяло, выбрался из кровати и подошел к окну.

В бледном свете месяца ясно виднелась церковь, стоявшая на вершине небольшого холма за домом, та, возле которой проходят железнодорожные пути: две стальные линии, что приглушенно светятся по ночам. Месяц освещал и церковное кладбище с надгробными камнями, на которых уже было невозможно что-либо прочесть.

Было видно и огромное тисовое дерево, которое возвышалось над кладбищем — такое древнее, что закрадывались подозрения, будто бы оно сделано из того же камня, что и церковь. Конор знал, что это тис, только потому, что об этом ему рассказывала мама. Первый раз — когда Конор был ребенком, чтобы он не ел ядовитые тисовые ягоды, второй — в прошлом году; тогда она загляделась в окно кухни со странным выражением на лице и сказала: «А знаешь, это же тис».

Вдруг его снова позвали по имени.

— *Конор*.

Имя словно прошептали в оба уха.

— Ну *что?* — спросил Конор. Его сердце застучало от внезапного желания поскорее узнать, что будет дальше.

Месяц заслонило облако, пейзаж окунулся во тьму, *порыв* ветра скользнул вниз по холму и со свистом ворвался в комнату, раздув занавески. Снова раздался скрип и треск дерева, стонущего, как живое существо, как голодный мировой желудок, требующий еды.

Затем облако ушло, и месяц снова засиял.

И осветил тис.

Который теперь стоял прямо в центре сада за домом.

И Конор увидел монстра.

Ветви кроны дерева соединились в огромное, жуткое лицо с блестящим ртом, носом и даже глазами, которые уставились на мальчика. Другие ветви переплетались с непрерывным скрипом и протяжным стоном, пока не образовали длинные руки и вторую ногу, отделившиеся от ствола. Под верхушкой дерева собрался позвоночник, а затем и все туловище, покрытое тонкими, похожими на иглы листьями, словно зеленым мехом, который дрожал и вздымался, как будто под ним скрывались мышцы и легкие.

Монстр уже был выше второго этажа и разрастался, обретая мощную форму, неуловимо сильную, неуловимо *могущественную*. Все это время он не отрываясь смотрел на Конора, и мальчик слышал его шумное, ветренное дыхание. Монстр оперся громадными руками на стену дома и наклонился так, что в окне были видны только его огромные глаза, вцепившиеся взглядом в Конора, и дом тихонько застонал под его весом.

И тут он заговорил.

— *Конор О'Малли*, — сказал он, и порыв теплого, пахнущего компостом дыхания ворвался в окно и разметал волосы мальчика. Его гулкий, низкий голос гремел так, что вибрации отдавались у Конора в груди.

— Я пришел к тебе, Конор О’Мэлли, — сказал монстр, наваливаясь на дом, сотрясая его так, что со стен комнаты сорвались картины, а книги, гаджеты и старый плюшевый носорог упали на пол.

Монстр, подумал Конор. Настоящий, всамделишный монстр. Наяву. Не во сне, а здесь, за его окном.

Пришел за ним.

Но Конор не убежал.

Он осознал, что ему даже не страшно.

С момента появления монстра он не испытал ничего, кроме нарастающего разочарования.

Потому что он ждал не этого монстра.

— Тогда вперед, — сказал он.

Наступила странная тишина.

— *Что?* — переспросил монстр.

Конор скрестил руки на груди.

— Я сказал «тогда вперед».

На мгновение монстр умолк, а затем с рыком ударил кулаками по дому. Потолок прогнулся под его натиском, и на стенах появились огромные трещины. Комната наполнялась ветром, и воздух разрывали гневные вопли дерева.

— Кричи, сколько хочешь, — невозмутимо пожал плечами Конор. — Видал и похуже.

Монстр зарычал еще яростнее и пробил окно, разломав раму, кирпичи и разбив стекло. Огром-

ная, витая, смолистая рука крепко схватила Конора и оторвала от пола.

Она вытащила его из комнаты в ночную тьму, подняла высоко над садом и держала на фоне луны, и ее пальцы сжимали ребра Конора так, что ему было трудно дышать. В открытой пасти монстра виднелись корявые зубы из твердого, сучковатого дерева, и Конор чувствовал на себе его порывистое горячее дыхание.

С секунду было тихо.

— *Ты правда не боишься?* — спросил монстр.

— Нет, — ответил Конор. — По крайней мере, тебя.

Монстр сощурился.

— *Будешь,* — сказал он. — *В конце.*

Монстр разинул пасть, чтобы съесть его заживо, и это было последним, что запомнил Конор.

Завтрак

— Мам? — позвал Конор, заходя в кухню. Он уже знал, что ее здесь нет — не было слышно кипящего чайника, а она всегда ставила его по утрам. Но последнее время он часто звал ее, в какую бы комнату ни заходил. Конор не хотел напугать маму, если она заснула там, где вовсе не собиралась ложиться.

На кухне ее не было. Значит, она все еще в постели. Значит, Конору придется самому готовить

завтрак, и к этому он уже привык. Хорошо. Даже *отлично*, особенно в *это* утро.

Он подошел к мусорной корзине и выбросил пакет, который принес с собой, прикрыв его сверху другим мусором, чтобы он был не так заметен.

— Вот так, — в пустоту сказал Конор. Затем кивнул сам себе и добавил: — А теперь завтрак.

Немного хлеба в тостер, хлопьев в миску и сока в стакан — и готово. Мальчик уселся за маленький кухонный стол. У мамы был свой хлеб и свои хлопья, которые она купила в магазине диетических продуктов в городе. К счастью, Конора их есть не заставляли. Вкус у них был такой же удручающий, как и вид.

Конор взглянул на часы. Выходить через двадцать пять минут. Он уже был одет в школьную форму, а собранный рюкзак ждал его у входной двери. Все это Конор делал сам.

Он сел спиной к окну над раковиной, которое выходило на их маленький сад, железнодорожные пути, церковь и кладбище.

И тисовое дерево.

Конор отправил в рот еще одну ложку хлопьев. Их хруст был единственным звуком, нарушавшим тишину.

Это был сон. Чем еще это *могло* быть?

Сегодня утром, едва открыв глаза, он первым делом взглянул на окно. Конечно, оно было на месте,

абсолютно целое и вовсе не разбитое. Ну конечно. Только ребенок мог поверить в то, что это произошло, в то, что дерево — ну вы подумайте, дерево, — спустилось вниз по холму и напало на дом.

Тогда Конор слегка посмеялся, подумав о том, как все это глупо, и встал с кровати.

Под ногами что-то захрустело.

Каждый сантиметр комнаты был укрыт короткими, острыми листьями тиса.

Конор жевал хлопья и старался не смотреть на мусорную корзину, в которой спрятал полный пакет листьев, собранных им с утра.

Ночь была ветреная. Очевидно, они влетели в комнату через открытое окно.

Очевидно.

Он доел хлопья и тост, допил сок, сполоснул посуду и поставил в посудомойку. До выхода оставалось еще целых двадцать минут. Конор решил на всякий случай выкинуть мусор и отнес пакет в мусорный бак, стоявший напротив дома. И, раз уж он все равно вышел, собрал и выкинул заодно весь перерабатываемый мусор. И еще запихнул в стиральную машину гору постельного белья, чтобы развесить его после школы.

Конор вернулся на кухню и посмотрел на часы.

Еще десять минут.

Еще не показалась...

— Конор? — донеслось с верха лестницы.

Мальчик шумно выдохнул и только сейчас заметил, как долго он задерживал дыхание.

— Ты уже позавтракал? — спросила мама, прислонившись к дверному косяку.

— Да, мам, — ответил Конор и взял в руки рюкзак.

— Честно?

— Да, мам.

Она с сомнением взглянула на него, и Конор закатил глаза.

— Хлопьями, тостом и соком. Я поставил посуду в посудомойку.

— И вынес мусор, — тихо заметила мама, оглядывая чистую кухню.

— И положил вещи в стирку, — добавил Конор.

— Ты молодец, — сказала она, улыбаясь, но Конор услышал грусть в ее голосе. — Прости, что так поздно встала.

— Ерунда.

— Просто опять...

— *Ерунда*, — с нажимом повторил Конор.

Мама умолкла, но продолжила улыбаться. Она еще не повязала на голову шарф, и голая кожа казалась мягкой и тонкой в утреннем свете, как кожа младенца. На нее было больно смотреть.

— Это тебя я слышала ночью? — спросила мама.

Конор застыл:

— Когда?

— Должно быть, где-то после полуночи, — ответила мама, медленно подходя к чайнику. — Мне показалось, что это сон, но я точно слышала твой голос.

— Наверное, говорил во сне, — бесстрастно пояснил Конор.

— Наверное, — зевнула мама и сняла кружку с сушилки у холодильника. — Забыла тебе сказать, — мягко добавила она, — завтра приезжает бабушка.

Конор поник:

— Ну, *мам...*

— Знаю, знаю. Но нельзя же, чтобы ты каждое утро сам готовил себе завтрак.

— *Каждое?* — повторил Конор. — Она *надолго* приезжает?

— Конор...

— Нам она *не* нужна...

— Ты же знаешь, каково мне на этой стадии лечения, Конор...

— Пока мы справлялись...

— *Конор!* — отрезала мама так сурово, что это удивило обоих. Наступила долгая тишина. А потом мама снова улыбнулась, но выглядела она очень-очень уставшей. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы она не задержалась надолго,

ладно? — сказала мама. — Я понимаю, что ты не хочешь отдавать ей свою комнату. Прости. Я бы не пригласила ее, если бы это не было необходимо. Не сердись.

Конору приходилось спать на диване всегда, когда приезжала бабушка. Но дело не в этом. Ему не нравилось, как она с ним говорила. Как будто он служащий на испытательном сроке, которого точно не примут. К тому же они с мамой пока справлялись и вдвоем, даже когда ей было совсем тяжело из-за лечения — оно стоило того, чтобы ей стало лучше; так почему?..

— Всего на пару дней, — добавила мама, словно прочитав его мысли. — Не волнуйся, ладно?

Конор потерял застёжку молнии на рюкзаке. Он ничего не ответил, стараясь думать о другом. И вспомнил о пакете листьев, который он выкинул перед завтраком.

Может, бабушкин приезд — это не самое худшее из всего, что может произойти.

— Эта улыбка мне нравится, — сказала мама и потянулась за чайником, который уже выключился, а потом добавила с притворным ужасом: — Представь себе, она привезет мне свои старые парики. — Мама потерла рукой лысую голову. — Я буду похожа на зомби Маргарет Тэтчер.

— Я сейчас опоздаю, — сказал Конор, глядя на часы.

— Ну ладно, милый. — Мама наклонилась и поцеловала его в лоб. — Ты умница. Хотела бы я,

чтобы тебе не приходилось быть *настолько* хорошим.

Уходя, Конор заметил, как она подходит с чаем к окну, и когда он открыл входную дверь, мама тихо, словно говоря сама с собой, произнесла:

— А знаешь, это же тис.

Школа

Когда он встал, во рту уже была кровь. Он сильно прикусил губу, когда упал на пол, и теперь во рту чувствовался отчетливый металлический привкус, и хотелось плевать, как будто он съел нечто совсем несъедобное.

Но он сглотнул. Гарри с его друзьями были бы безмерно счастливы, узнай они о том, что у Конора пошла кровь. Мальчик слышал, как за его спиной смеются Энтон и Салли. Он знал, что за вы-

ражение на лице у Гарри, хоть и не видел его. Он даже мог угадать, что сейчас скажет Гарри своим спокойным, довольным голосом, словно пародируя разом всех взрослых, которых ни за что не хотелось бы повстречать.

— Осторожнее на лестнице, — сказал Гарри. — Ты можешь упасть.

Ага, что-то вроде этого.

Так было не всегда.

Гарри — Белокурый Ангелочек, который вечно ходил в любимчиках у всех учителей. Он первый поднимает руку, быстрее всех подает в футболе, но для Конора он — всего лишь одноклассник. Они никогда не были друзьями: у Гарри не было друзей, только прихвостни; Энтон и Салли просто стояли за ним и смеялись, что бы он ни делал. Но и врагами они не были. Конор удивился бы, окажись так, что Гарри знает его имя.

Но за прошедший год что-то изменилось. Гарри начал замечать Конора, встречаться с ним взглядом, заинтересованным и в то же время отрешенным.

Это началось не в одно время с маминой болезнью. Нет, позже, когда Конору начали сниться кошмары, *настоящие* кошмары, не про идиотское дерево, а те, о которых он не мог никому рассказать, с криками и падением. Когда *они* начали ему сниться, Гарри обратил на него внимание, как буд-

то на Коноре появилась тайная метка, которую видел только Гарри.

Метка, которая тянула его к Конору, как железо к магниту.

В первый день нового учебного года Гарри поставил ему подножку у входа на территорию школы, и Конор покатился по тротуару.

Так это началось.

Так и продолжалось.

Конор стоял спиной к смеющимся Энтону и Салли. Он потрогал языком ранку на губе, чтобы проверить, насколько она глубокая. Сносно. Он это переживет, если не случится еще что-нибудь, пока он идет в свой класс.

Но тут произошло еще кое-что.

Конор вздрогнул, внезапно услышав чей-то голос.

— Оставьте его в покое!

Он обернулся и увидел рассерженную Лили Эндрюс. Она вплотную подошла к Гарри, и Энтон с Салли засмеялись еще громче.

— Твой пуделёк пришел тебя спасти, — улыбнулся Энтон.

— Я просто хочу, чтобы это была честная драка, — нахмурилась Лили и взмахнула кудрявыми локонами, похожими на шерсть пуделя, хоть она и завязывала их в тугой хвост.

— У тебя кровь, О'Мэлли, — заметил Гарри, не обращая внимания на Лили.

Конор прижал ладонь ко рту, но не успел поймать каплю крови, скатившуюся из уголка губ.

— Его лысая мамочка должна старательнее его целовать! — усмехнулся Салли.

У Конора в груди все закипело, как будто внутри него зажглось солнце, но он не успел ничего сделать — Лили его опередила. Гневно закричав, она толкнула ошеломленного Салли в кусты так, что он через них перелетел.

— Лилиан Эндрюс! — произнес голос неподалеку, и это прозвучало, как приговор.

Все застыли. Даже Салли замер, не успев встать. Мисс Кван, их классный руководитель в этом году, мчалась к ним с пугающе хмурым лицом, и ее сдвинутые брови были похожи на свежий шрам.

— Это они начали, — сразу стала защищаться Лили.

— Даже слышать не хочу. Салливан, ты в порядке?

Мельком взглянув на Лили, Салли изобразил гримасу боли:

— Не знаю, мисс. Наверное, мне лучше пойти домой.

— Не преувеличивай. Лилиан, ко мне в кабинет.

— Но мисс, они...

— Немедленно.

— Они смеялись над мамой Конора!

И снова все замерли, и горящее солнце в груди Конора стало жечь еще сильнее, словно хотело спалить его изнутри.

(...в мозгу пронесся отрывок из кошмара — завывающий ветер, слепящая тьма...)

Он отбросил эти воспоминания.

— Конор, это правда? — спросила мисс Кван, серьезная, как во время чтения проповеди.

Из-за вкуса крови во рту Конора сильно тошнило. Он обернулся на Гарри и его приспешников. Энтон и Салли выглядели взволнованными, а Гарри спокойно и невозмутимо ответил на взгляд Конора, словно искренне интересовался тем, что Конор может ответить.

— Нет, мисс, неправда, — сказал Конор, глотая кровь. — Я упал. А они помогли мне встать.

Глаза Лили расширились от обиды и удивления.

— Идите на уроки, — сказала мисс Кван. — А ты, Лилиан, останься.

Лили смотрела на Конора, пока ее уводила мисс Кван, но мальчик отвернулся.

И увидел, что Гарри протягивает ему рюкзак.

— Молодец, О'Мэлли.

Конор молча выхватил у него рюкзак и пошел в класс.

Автобиография

«Истории», — с ужасом думал Конор по пути домой.

Уроки закончились, и он поскорее убежал из школы. Ему удалось весь оставшийся день избегать Гарри и его дружков, хотя они, наверное, понимали, что лучше не рисковать и не устраивать новый «несчастный случай» после того, как их чуть не поймала мисс Кван. Он избегал и Лили, которая пришла на урок с красными, припухшими

глазами и хмурая, как грозовая туча. Услышав последний звонок, Конор тут же выбежал из школы, и у него словно камень с плеч упал: школа, Гарри, Лили — все осталось позади, они отдалялись от него с каждой пройденной им улицей.

«Истории», — опять подумал он.

— *Ваши* истории, — сказала мисс Марл на уроке английского. — Вы достаточно прожили, чтобы вам было что рассказать.

Она назвала это «автобиографией» и задала им написать о себе самих. Об их семейном древе, родном городе, путешествиях и счастливых воспоминаниях.

О важных событиях.

Конор поправил лямку рюкзака. Ему на ум приходило достаточно важных событий. Но писать о них не хотелось. Уход отца. Исчезновение кошки, которая вышла погулять и не вернулась.

День, когда мама сказала, что им надо поговорить.

Он нахмурился и пошел дальше.

Конор помнил и день *накануне* этого. Они с мамой пошли в его любимый индийский ресторан, и она разрешила ему заказать сколько угодно виндалу. Потом она засмеялась, сказала: «Почему бы и нет?» — и тоже заказала себе несколько порций. Они еще не дошли до машины, как уже начали пукать. Когда они ехали домой, они пукали так громко, что и говорить не могли от смеха.

Конор улыбнулся своим воспоминаниям. Мама не отвезла его *домой* из школы. Его ждал сюрприз. Они пошли в кино на фильм, который Конор видел целых четыре раза и знал, что маме он ужасно надоел. Но вот они снова сидели и смотрели его, хихикали себе под нос, обедались попкорном и упивались кока-колой.

Конор был не дурак. Когда на следующий день они с мамой «поговорили», он понял, что она сделала и почему. Но это не отменяет того, что тогда они прекрасно провели время. Что они громко смеялись. Что все казалось возможным. Что в тот момент с ними могло произойти любое чудо — и они ни капельки не удивились бы.

Но об *этом* он тоже писать не будет.

— Эй! — окликнули его сзади, и Конор тяжело вздохнул. — Эй, подожди, Конор!

Лили.

— Привет, — поздоровалась она, подбежав к Конору.

Лили встала прямо перед ним, и мальчику пришлось остановиться, чтобы не врезаться в нее. Она совсем выдохлась, но ее лицо все еще пылало от гнева.

— Почему ты соврал? — спросила Лили.

Конор оттолкнул ее плечом:

— Оставь меня в покое.

— Почему ты не объяснил мисс Кван, что произошло на самом деле? — настойчиво добавила

Лили, не отставая от Конора. — Почему ты оставил меня в беде?

— Зачем ты сунула нос не в свое дело?

— Я хотела *помочь* тебе.

— Не стоило. Я и сам прекрасно справлялся.

— Неправда! У тебя шла кровь.

— Не твое дело, — огрызнулся Конор и зашагал быстрее.

— Меня будут оставлять после школы целую неделю, а еще мисс Кван написала записку моим родителям, — пожаловалась Лили.

— А мне-то что?

— Но ведь ты виноват.

Конор резко остановился и посмотрел на Лили. Его взгляд был таким злым, что девочка отшатнулась и вздрогнула, словно он напугал ее.

— *Ты* виновата, — сказал Конор. — Ты виновата *во всем*.

И пулей помчался прочь.

— Мы были друзьями! — крикнула ему вслед Лили.

— *Были*, — ответил Конор, не обернувшись.

Они с Лили были знакомы вечность. Или столько, сколько Конор себя помнил, что, по сути, одно и то же.

Их мамы дружили еще до их рождения, и Лили стала для Конора как сестра, жившая в другом доме, тем более, что с ними обоими частенько сидела одна из матерей. Лили и Конор были друзьями, и между

ними не было никакой романтики, как бы там ни дразнили их в школе. Конор даже не мог воспринимать Лили как девочку, она отличалась от других учениц школы. Как можно смотреть на нее, как на девочку, если в пять лет вы вместе играли ягнят на рождественском представлении? Если ты знаешь, как часто она ковырялась в носу? Если *она* знает, как долго ты спал при включенной лампе после ухода отца? Это была всего лишь обычная дружба.

Но потом они «поговорили» с мамой, и все случилось внезапно и просто.

Никто не знал.

Потом, конечно, узнала мама Лили.

Потом Лили.

А потом все. Все. Всего за день его мир перевернулся.

И за это он ее никогда не простит.

Он прошел улицу, другую и наконец увидел свой дом — маленький, но зато только их с мамой. Она настояла на том, чтобы после развода он достался им с Конором, чтобы им не пришлось переезжать после того, как отец улетит в Америку со своей новой женой, Стефани. С тех пор прошло шесть лет, и Конор уже не помнил, каково это — когда в доме есть отец.

Но он все еще об этом думал.

Он поднял глаза на холм за домом, на шпиль церкви, проткнувший облачное небо, на тисовое дерево, нависшее над кладбищем, как спящий великан.

Конор заставил себя присмотреться к нему, чтобы убедиться в том, что это всего лишь дерево, обычное дерево, вроде тех, что стоят возле рельсов.

Дерево. Вот и все. Оно всегда им было. Деревом.

Деревом, которое на его глазах обрело громадное, яростное лицо, залитое солнечным светом, которое вытянуло руки и произнесло: «*Конор*»... Он резко отступил назад, чуть не упав на дорогу, и схватился за капот припаркованной машины.

Когда он снова взглянул на тис, он увидел перед собой обычное дерево.

Три истории

Тем же вечером Конор лежал в кровати, глядя на часы на прикроватном столике, и не мог уснуть.

Этот вечер тянулся невероятно долго. Мама так устала, после того как разогрела замороженную лазанью, что уснула через пять минут после начала «Жителей Ист-Энда», передачи, которую Конор ненавидел, но записал для нее. Он накрыл спящую мать пуховым одеялом и пошел мыть посуду.

Один раз мамин телефон зазвенел, но она не проснулась. Конор взглянул на экран и увидел, что звонит мама Лили. Он не взял трубку. Конор сделал уроки за кухонным столом, но задание миссис Марл не выполнил, поиграл в Интернете в своей комнате, почистил зубы и лег в кровать. Только он выключил свет, как зашла мама — она выглядела очень уставшей и виноватой — и поцеловала его на ночь.

Прошло несколько минут, и Конор услышал, как ее рвет в уборной.

— Тебе нужна помощь? — крикнул он.

— Нет, милый, — крикнула мама в ответ слабым голосом. — Я к этому уже привыкла.

Да. Вот что самое страшное. Конор тоже к этому привык. На второй и третий день после сеансов терапии ей было хуже всего — она уставала больше прежнего, ее рвало больше прежнего. Это почти вошло в норму.

Через какое-то время в уборной наступила тишина. Конор услышал щелчок выключателя и то, как закрылась дверь в мамину спальню.

Прошло два часа, а он все не мог заснуть. Он ждал.

Но чего?

На часах полночь и пять минут. Уже шесть. Конор посмотрел на окно спальни, наглухо закрытое, несмотря на теплую ночь. Полночь и семь минут.

Он встал, подошел к окну и выглянул в него.

И столкнулся со взглядом монстра в саду.

— *Открывай*, — сказал монстр, и голос его был слышен так четко, словно их не разделяло окно. — *Я хочу поговорить*.

— Да, конечно, — тихо ответил Конор. — Обычно монстры этого и хотят. *Поговорить*.

Монстр улыбнулся ледящей улыбкой.

— *Если придется врываться в дом самому, я с радостью это сделаю*.

Он поднес сучковатый деревянный кулак к стене спальни.

— Нет! — воскликнул Конор. — Я не хочу, чтобы ты разбудил маму!

— *Тогда выходи*, — сказал монстр, и даже в комнате Конор почуял влажный запах земли, дерева и смолы.

— Что тебе от меня нужно? — спросил Конор.

Монстр прижался лицом к стеклу.

— *Вопрос не в том, что мне нужно от тебя, Конор О'Мэлли, а в том, что тебе нужно от меня*.

— Мне ничего от тебя не нужно.

— *Пока нет. Но будет*.

— Это всего лишь сон, — пробормотал Конор, стоя в саду и глядя на темный силуэт монстра и бьющий в глаза лунный свет. Конор крепко обхватил себя руками — не из-за холода, а оттого, что он не мог поверить в то, что в самом деле тихонько спустился вниз по лестнице, отпер заднюю дверь и вышел наружу.

Он все еще был спокоен. Что странно. Этот кошмар — очевидно, что это кошмар, без сомнений — сильно отличался от другого.

Здесь нет ни страха, ни паники, ни тьмы.

Но есть монстр, который виден так же отчетливо, как звезды ясной ночью, и возвышается над Конором метров на десять — пятнадцать, и тяжело дышит.

— Это всего лишь сон, — повторил Конор.

— *Но что такое сон, Конор О'Мэлли?* — спросил монстр, наклоняясь к самому лицу мальчика. — *Как знать, может быть, сон — это все остальное?*

При каждом движении монстра в его громадном теле слышался скрип дерева, стоны и вздохи. Конор видел, как сильные руки монстра — большие крепкие ветви, скручивались, как веревки, и дрожали, словно мускулы, соединенные с крупным стволом-торсом, наверху которого покоилась голова с огромными челюстями, которым Конор был на один зубок.

— Что ты такое? — спросил Конор, еще сильнее сжав себя руками.

— *Я не «что», — нахмурился монстр, — а «кто».*

— И кто ты?

Глаза монстра расширились, и он заговорил громче:

— *Кто я? Кто я?*

Монстр начал расти прямо на глазах, становясь все выше и шире. Внезапно вокруг него за-

крутился сильный ветер, и он широко развел руки, так широко, что, казалось, они коснулись краев Земли и стали такими большими, что ими можно объять весь мир.

— *У меня столько имен, сколько лет самому времени!* — прогремел монстр. — *Одни зовут меня Херн-Охотник, другие Кернунн, третьи просто — Зеленый Человек.*

Огромная рука опустилась, схватила Конора и подняла его в воздух, а ветер все еще свистел вокруг него, и листья-иглы, служившие монстру кожей, злобно подрагивали на ветру.

— *Кто я?* — снова проревел монстр. — *Я — хребет, за который держатся горы! Я — слезы, которыми плачут реки! Я — легкие, которыми дышит ветер! Я — волк, убивающий оленя, ястреб, убивающий мышь, паук, убивающий муху! Я — съеденные олень, мышь и муха! Я — змей этого мира, пожирающий свой хвост! Я — все то, что не приручено, все то, что невозможно приручить!* — Он поднес Конора прямо к глазам. — *Я — дикая земля, и я явился тебе, Коносор О'Мэлли.*

— Похож ты на дерево, — заметил Коносор.

Монстр так сжал мальчика в кулаке, что тот закричал.

— *Я редко являюсь людям,* — строго произнес монстр. — *Только по вопросам жизни и смерти. И я требую, чтобы меня выслушивали до конца.*

Монстр ослабил хватку, и Коносор снова смог дышать.

— И какое у тебя ко мне дело?

Монстр дьявольски улыбнулся. Ветер стих, настала тишина.

— *Наконец-то*, — сказал монстр. — *Поговорим о деле. О том, почему я тебе явился.*

Конор напрягся. Он внезапно испугался того, что скажет монстр.

— *Произойдет вот что, Конор О'Мэлли. Я буду приходить к тебе и в следующие ночи.*

Желудок Конора сжался, как перед ударом.

— *И расскажу тебе три истории. Истории о том, как я являлся людям.*

Конор заморгал.

— Ты расскажешь мне истории?

— *Верно.*

— Ну... — Конор изумленно оглянулся. — И что же тут кошмарного?

— *Истории — это самое дикое, что есть на свете*, — прогрохотал монстр. — *Они и преследуют, и нападают, и охотятся.*

— Учителя всегда так говорят. Но никто им не верит.

— *И когда мои истории закончатся, ты поведаешь мне четвертую*, — добавил монстр, словно не заметив слов Конора.

Мальчик заерзал в огромной руке.

— Я не умею рассказывать истории.

— *Ты поведаешь мне четвертую*, — повторил монстр. — *И она будет правдой.*

— Правдой?

— *Не обычной правдой. Твоей правдой.*

— Ла-а-адно, — протянул Конор. — Но ты говорил, я буду напуган, а это звучит совсем не страшно.

— *Ты знаешь, что это не так. Ты знаешь свою правду, ту, которую ты прячешь, Конор О'Мэлли, то, чего ты больше всего боишься.*

Конор затих.

Не может быть...

Он *не мог* иметь в виду...

Он не может знать об *этом*.

Нет. Нет. Он никогда не расскажет о том, что происходит в настоящем кошмаре. Никогда и ни за что.

— *Ты расскажешь. Для этого ты позвал меня.*

Конор вконец смешался.

— Позвал? Я тебя не звал...

— *Ты поведаешь четвертую историю. Ты расскажешь мне правду.*

— А что, если нет?

Монстр вновь дьявольски улыбнулся.

— *Тогда я съем тебя заживо.*

И его пасть раскрылась невозможно широко, и она могла поглотить целый мир, в ней Конор мог исчезнуть навсегда...

Он с криком сел в кровати.

Своей кровати. Он вернулся в свою кровать.

Конор сердито вздохнул. Конечно, это был сон. Разумеется.

Снова.

Он протер глаза ладонями. Как можно отдохнуть, когда его сны так изматывают?

«Надо попить воды», — подумал он, сбрасывая с себя одеяло. Надо встать и прожить эту ночь заново, как будто не было этого дурацкого, бессмысленного сна...

Что-то хлюпнуло у него под ногами.

Конор включил лампу. Пол был укрыт ядовитыми красными ягодами тиса.

Которые непонятно как влетели в его наглухо закрытое окно.

Бабушка

— Ты хорошо себя ведешь? Ради мамы.

Бабушка так сильно ущипнула Конора за щеки, что он мог поклясться — она хотела выдавить из них кровь.

— Он *очень* хорошо себя ведет, мам, — сказала мама Конора, подмигивая ему за спиной бабушки. На ее голове был повязан любимый синий шарф. — Не стоит его так мучить.

— Ерунда, — отмахнулась бабушка и пару раз игриво ударила Конора по щекам, причем очень

больно. — Поставишь чайник для нас с мамой? — спросила она, но это прозвучало как приказ.

Конор с радостью вышел из комнаты, а бабушка уперла руки в бока и взглянула на дочь.

— Итак, моя дорогая, — услышал Конор, заходя в кухню. — *Что* же нам с тобою делать?

Бабушка Конора отличалась от других бабушек. Он не раз встречался с бабушкой Лили, и она была такой, как надо: морщинистой, улыбчивой и седой. Она готовила еду на всех, давала каждому по три порции разваренных овощей, а на Рождество сидела в углу с бокальчиком шерри в руках и бумажной короной на голове и смеялась.

Бабушка Конора носила сшитые на заказ брючные костюмы, закрашивала седину и говорила бессмыслицу вроде: «Шестьдесят — это новые пятьдесят» или «Классическим автомобилям нужна самая дорогая полировка». Что это вообще *значит*? Она посылала открытки на день рождения по почте, спорила с официантами о вине и все еще *работала*. Хуже всего был ее дом, обставленный дорогим антиквариатом, до которого и дотронуться не разрешалось. К старым часам она не подпускала даже уборщицу. Кстати, да. Часто вы встречаете бабушек, у которых есть уборщицы?

— Два кусочка сахара, молока не надо, — слышалось из гостиной. Как будто Конор это не запомнил за прошлые три тысячи раз, когда она приезжала в гости.

— Спасибо, мой мальчик, — сказала бабушка, когда он внес чай.

— Спасибо, милый, — сказала мама и улыбнулась украдкой, приглашая сына занять ее сторону в этом противостоянии с бабушкой. Конор не сдержался и слегка улыбнулся в ответ.

— Как прошел учебный день, молодой человек? — спросила бабушка.

— Нормально, — ответил Конор.

На самом деле нет. Лили все еще сердилась, Гарри положил маркер без колпачка на дно его рюкзака, а мисс Кван подозвала его к себе и с серьезным видом поинтересовалась, «как он держится».

— Знаешь, — бабушка поставила чашку на стол, — недалеко от моего дома есть замечательная частная школа для мальчиков. Я про нее узнавала. Там высокие учебные стандарты, намного выше, чем в его — общеобразовательной.

Конор устался на бабушку. Вот еще почему он не любил, когда она приезжала в гости. Скорее всего, разговор о школе был лишь проявлением снобизма.

А может, чем-то большим. Намеком на возможное будущее.

Возможное *потом*.

Конор ощутил, как в нем разгорается гнев...

— Ему и здесь хорошо, — быстро сказала мама и посмотрела на Конора. — Правда?

Конор сжал зубы и ответил:

— Мне и здесь неплохо.

На ужин они заказали китайскую еду. Бабушка Конора «не жаловала готовку». Действительно, всегда, когда Конор гостил у бабушки, в ее холодильнике нельзя было найти ничего, кроме яйца и половинки авокадо. У мамы Конора все еще не было сил на кулинарные подвиги, и несмотря на то что Конор мог бы что-нибудь сообразить, бабушке даже в голову не пришло попросить его об этом.

Но его оставили убираться. Он прикрывал упаковками из фольги пакет ядовитых ягод, который спрятал на дне мусорной корзины, когда сзади подошла бабушка.

— Нам надо поговорить, мой мальчик, — сказала она и загородила дверь, перекрывая путь к отступлению.

— У меня есть имя, знаете ли, — ответил Конор, приминая мусор. — И это не «мой мальчик».

— Не дерзи. — Бабушка сложила руки на груди. Конор пристально посмотрел на нее. Она ответила ему тем же. И цокнула языком. — Я тебе не враг, Конор. Я приехала, чтобы помочь твоей маме.

— Я знаю, зачем вы приехали. — Конор достал тряпочку, чтобы протереть и так чистый стол.

Бабушка протянула руку и выхватила у него тряпку.

— Затем, чтобы тринадцатилетний мальчик не протирает столы, если в этом нет необходимости.

Конор косо посмотрел на бабушку:

— А *вы* будете это делать?

— Коноор...

— Уходите. Вы нам не нужны.

— Коноор, — строго повторила бабушка, — нам надо поговорить о будущем.

— Нет, не надо. Ей *всегда* плохо после сеансов терапии. Завтра ей станет лучше. А вы... — он выразительно посмотрел на бабушку, — сможете вернуться домой.

Бабушка подняла взгляд на потолок и вздохнула. И потерла лицо руками. Коноор удивленно заметил, что она сердита, *очень* сердита.

Но, может, не на него.

Он взял другую тряпку и снова принялся за протирку стола, только чтобы не смотреть на бабушку. Он протер стол до самой раковины и выглянул в окно.

Большой, освещенный закатным солнцем монстр стоял в саду.

Наблюдал за ним.

— Завтра будет *казаться*, что ей лучше, — ответила бабушка хриплым голосом. — Но на деле это не так.

Ну, это уже слишком. Коноор повернулся к бабушке:

— Ей становится лучше после сеансов терапии. За этим она туда и ходит.

Бабушка задержала на нем взгляд, словно решая что-то для себя.

— Обязательно поговори с ней об этом, Коноор, — наконец сказала она, а затем добави-

ла себе под нос: — Ей надо поговорить об этом с *тобой*.

— О чем? — переспросил Конор.

Бабушка скрестила руки на груди.

— О том, что ты будешь жить со мной.

Конор нахмурился, и на мгновение комната словно стала мрачнее, показалось, что весь дом сотрясается, что можно наклониться и вырвать пол из темной, глинистой земли...

Он моргнул. Бабушка ждала его ответа.

— Я не буду с вами жить, — отрезал Конор.

— Конор...

— *Я никогда* не буду с вами жить.

— Нет, будешь. Прости, но будешь. Я знаю, что она пытается тебя защитить, но ты должен знать, что после того, как все это кончится, у тебя будет дом, мой мальчик. Это важно. Дом, в котором тебя будут любить, в котором о тебе позаботятся.

— Когда все это кончится, вы уедете и мы будем счастливы, — злобно ответил Конор.

— Конор...

И тут из гостиной донеслось слабое:

— Мам? *Мам?*

Бабушка пулей вылетела из кухни — так быстро, что Конор подпрыгнул от неожиданности. Он слышал, как мама кашляет, а бабушка шепчет:

— Все хорошо, милая, все хорошо, тихо, тихо...

Он снова выглянул в окно, выходя из кухни.

Монстр исчез.

Бабушка сидела на диванчике, приобняв его маму, и массировала ей спину, а ту рвало в небольшое ведро, которое она всегда держала поблизости, на всякий случай.

Бабушка посмотрела на Конора, но ее лицо не выражало ничего, и нельзя было понять, о чем она думает.

Дикие истории

Дом погрузился во тьму. Бабушка наконец уложила маму в кровать, зашла в комнату Конора, закрылась там, даже не спросив, не нужно ли ему взять что-нибудь оттуда, и легла спать.

Конор лежал на диванчике с открытыми глазами. Он сомневался, что сможет уснуть после всего того, что сказала ему бабушка, после того, как выглядела сегодня мама. После сеанса терапии прошло три дня, обычно ей в это время стано-

вится лучше, вот только ее все еще рвало, она все еще была изможденной — намного дольше, чем обычно...

Конор выкинул эти мысли из головы, но они вернулись, и он их снова отбросил. Похоже, что незаметно для себя он уснул, но Конор понял, что спит, только когда к нему подкрался кошмар.

Не дерево-монстр. *Тот самый* кошмар.

С порывами ветра, дрожащей землей и руками, которые он крепко сжимал в своих, но они все равно ускользали, он сжимал их изо всей силы, но этого было недостаточно, его руки сами разжались, а потом — падение и *крики*...

— НЕТ! — пронзительно завопил Конор. От ужаса он проснулся, схватился за грудь, как будто не мог дышать, его горло сдавило, и глаза наполнились слезами. — Нет, — повторил он уже чуть слышно.

В доме было темно и тихо. Конор прислушался, но не услышал ни шевеления, ни звука из комнат мамы и бабушки. Он сощурился, чтобы разглядеть в темноте часы на DVD-плеере.

Семь минут после полуночи. Конечно.

Он вслушался в тишину. Ничего не происходило. Он не слышал ни своего имени, ни скрипа дерева. Может, сегодня он не придет.

Часы показали восемь минут.

Девять.

Слегка рассердившись, Конор поднялся, зашел в кухню и выглянул в окно.

Монстр стоял в саду за домом.
— *Почему так долго?* — спросил он.

— *Пришло время рассказать тебе первую историю.*

Конор неподвижно сидел на скамейке в саду, прижав к себе колени и уткнувшись в них подбородком.

— *Ты слушаешь?* — спросил монстр.

— Нет.

Конор ощутил, как вокруг него снова засвистел жестокий ветер.

— *Я заставлю тебя слушать!* — взревел монстр. — *Мне столько же лет, сколько самой земле, и ты будешь уважать меня, как положено...*

Конор поднялся и направился к двери на кухню.

— *Куда это ты идешь?* — потребовал ответа монстр.

Конор развернулся, и на его лице было написано столько гнева, столько боли, что монстр застыл и удивленно приподнял свои огромные, лиственные брови.

— Да что *ты* знаешь? — выплюнул Конор. — Хоть о чем-нибудь?

— *Я знаю тебя, Конор О'Мэлли.*

— *Вовсе нет. Если б знал, то понял бы, что у меня нет времени на глупые, скучные истории,*

которые хочет рассказать мне глупое, скучное дерево, которое даже не настоящее...

— *Вот как? И ягоды на полу комнаты тебе тоже приснились?*

— И что с того, если нет?! — закричал Конор. — Это просто дурацкие ягоды! Ой-ой, *как страшно!* О, пожалуйста, ну пожалуйста, избавь меня от ягод!

Монстр посмотрел на него с недоумением.

— *Странно,* — сказал он. — *Ты говоришь, что боишься ягод, но твои действия говорят об обратном.*

— Ты стар, как сама земля, а о сарказме не слышал?

— *Конечно, я о нем слышал.* — Монстр упер огромные ветвистые руки в бока. — *Но обычно люди понимают, что со мной так лучше не разговаривать.*

— Ты не оставишь меня в покое?

Монстр покачал головой, но не в ответ на вопрос Конора.

— *Как необычно...* — проговорил он. — *Что бы я ни делал, ты меня не боишься.*

— Ты всего лишь дерево. — Конор не мог смотреть на монстра в другом свете. Конечно, он ходил и разговаривал, был выше его дома и мог проглотить его, как мошку, но в конце концов монстр был обычным тисовым деревом. Конор даже заметил, что на его локтях растут ягоды.

— *И кроме меня, в твоей жизни есть вещи пострашнее,* — сказал монстр, и это был не вопрос.

Конор посмотрел на землю, на луну — лишь бы не глядеть в глаза монстру. Он снова ощущал себя, как в том кошмаре, все вокруг помрачнело, стало казаться тяжеловесным и нереальным, словно его попросили поднять голыми руками огромную гору и пригрозили не отпускать, пока он это не сделает.

— Я думал... — начал Конор, прокашлялся и продолжил: — Ты видел меня в окно, когда я ругался с бабушкой, и я подумал...

Он умолк.

— *О чем?* — спросил монстр.

— Забудь. — Конор отвернулся к дому.

— *Ты подумал, что я здесь, чтобы помочь тебе.*

Конор остановился.

— *Ты подумал, что я пришел сразить твоих врагов. Истребить твоих драконов.*

Конор не оглянулся. Но и в дом не зашел.

— *Ты осознал правду, когда я сказал, что это ты звал меня, и поэтому я тебе явился. Разве нет?*

Конор обернулся.

— Но все, что ты собрался делать — это рассказывать истории, — разочарованно произнес он. Монстр был прав. Именно об этом он и подумал. Он на это надеялся.

Монстр встал на колени и оказался лицом к лицу с Конором.

— *Истории о том, как я сражал врагов. Истории о том, как я истреблял драконов.*

Конор моргнул.

— *Истории — дикие создания, —* сказал монстр. — *Если отпустить их на свободу, кто знает, каких бед они могут натворить?*

Монстр посмотрел вверх, и Конор проследил за его взглядом. Он смотрел на окно его спальни. Туда, где спала его бабушка.

— *Позволь рассказать историю о том, как я явился людям. О том, как свергли злую королеву, и я сделал так, чтобы ее больше никогда не видели.*

Конор сглотнул и посмотрел в лицо монстру.

— Я слушаю.

Первая история

— Давным-давно вместо города, дорог, поездов и машин здесь росла зелень. Деревья покрывали холмы и обрамляли тропы. Бросали тень на реки и пруды, защищали дома — даже тогда их уже строили, но из земли и камней.

Здесь стояло королевство...

(— Что? — переспросил Конор, оглядывая сад. — Здесь?

Монстр удивленно склонил голову набок.

— Ты о нем не слышал?

— Нет, какое королевство, у нас даже Мақдо-
надса нет!)

— Тем не менее здесь было королевство. Ма-
ленькое, но счастливое, благодаря королю — про-
стому человеку, который был обязан своей мудро-
стью тяжелой жизни. Жена родила ему четверых
сильных сыновей. Но королю приходилось сра-
жаться, чтобы сохранить мир в королевстве. Он
бился с великанами и драконами, черными крас-
ноглазыми волками, людскими армиями во главе
с великими волшебниками.

Благодаря этому враги не пересекали грани-
цы королевства, и в нем царил мир. Но победа да-
лась ему дорогой ценой. Все его сыновья погибли.
Кто от пламени дракона, кто от рук великана,
кто от волчьих клыков или человеческого копья.
Принцы пали, один за другим, и у короля остался
лишь один наследник: маленький внук.

(— Как-то очень похоже на сказку, — с сомне-
нием заметил Конор.

— Ты бы так не говорил, если бы слышал кри-
ки человека, убитого копьем. Или растерзанного
волком. Не перебивай.)

— Вскоре его жена умерла от горя, а за ней
и мать юного принца. Король остался наедине
с ребенком и печалью, которую он не мог пере-
жить в одиночку.

«Я должён снова жениться, — решил король. —
Не только ради себя, но ради моего внука и коро-
левства».

И он женился на принцессе из соседней страны, и их союз укрепил оба королевства. Она была молодой и красивой, и хоть ее лицо было слегка суровым, а язык — немного острым, король был с нею счастлив.

Прошло много времени. Юный принц вырос и стал уже почти мужчиной. Через два года ему должно было исполниться восемнадцать, и тогда он получил бы право наследовать трон после смерти старого короля. Это были счастливые времена для королевства. Битвы закончились, и будущее с храбрым принцем на троне казалось радужным.

Но однажды король заболел. Поползли слухи о том, что ему подсыпала яд молодая жена. Поговаривали, что она сотворила страшное колдовство, чтобы казаться юной, и под ее нежным личиком скрывалось хмурое лицо старухи. Никто не сомневался в том, что это она отравила короля, но тот до самой смерти умолял своих подданных не винить жену.

И он почил — за год до того, как юный принц мог взойти на трон, достигнув совершеннолетия.

Королева, неродная бабушка принца, стала регентом и вела государственные дела, дожидаясь взросления принца.

Поначалу, ко всеобщему удивлению, она хорошо правила страной. Вопреки слухам, ее лицо оставалось все таким же юным и приятным,

и она старалась продолжать политику умершего короля.

Тем временем принц влюбился.

(— Так я и знал, — пробурчал Конор. — В сказках вроде этой глупые принцы всегда влюбляются. — Он пошел по направлению к дому. — А я надеялся, что она будет *хорошей*.)

Монстр резко схватил Конора за лодыжки своими длинными, сильными ручищами, поднял в воздух и перевернул вверх ногами, так что его футболка съехала вниз, а удары сердца стали отдаваться в голове.

— *Так вот,* — сказал монстр.)

— *Принц влюбился. Его сердце украла дочь простого фермера, но она была прекрасной и умной — дочерям фермеров приходится быть умными, потому что управлять фермой не так-то просто. Народ умиляла эта пара. Но королева была иного мнения. Ей понравилось править страной, и она не хотела отдавать свой трон. Ей начало казаться, что корона должна остаться в семье, и королевством должны управлять те, кто достаточно мудр для этого, и разве есть решение лучше, чем женить принца на себе?*

(— Отвратительно! — возмутился Конор. — Она была его бабушкой!

— *Не родной,* — уточнил монстр. — *Они не были связаны кровным родством, и королева сама была молодой и внешне, и внутренне.*

Конор покачал головой. Монстр все еще держал его вверх ногами, и волосы мальчика свисали вниз.

— Это неправильно... — Он умолк на секунду. — Может, поставишь меня на землю?

Монстр опустил мальчика и продолжил рассказ.)

— *Принц тоже считал, что это неправильно. Он сказал, что лучше умрет, чем женится на королеве. Он дал клятву прекрасной дочери фермера, что сбежит вместе с ней, а когда ему исполнится восемнадцать, он вернется, чтобы освободить страну от тирании своей бабушки. И вот однажды поздним вечером они ускакали на лошади и спешили только на рассвете, чтобы выспаться в тени огромного тисового дерева.*

(— Тебя? — спросил Конор.

— *Да. Но в то же время это была лишь часть меня. Я могу принимать любую форму любых размеров, но мне привычнее всего быть тисовым деревом.)*

— *Принц с дочерью фермера крепко обнимались, лежа под восходящим солнцем. Они поклялись друг другу соблюдать целомудрие, пока их не обвенчают в соседнем королевстве, но страсть возобладала над ними, и вскоре влюбленные уснули обнаженные, в объятиях друг друга.*

Весь день они спали в тени моих ветвей, и снова наступила ночь. Принц открыл глаза.

«Просытайся, любимая, — прошептал он дочери фермера. — Мы поедем навстречу дню, в который станем мужем и женой».

Но его возлюбленная не очнулась. Принц потряс ее за плечи, но девушка откинулась назад, и в лунном свете юноша разглядел кровь, запятнавшую землю.

(— Кровь? — переспросил Конор, но монстр пропустил его вопрос мимо ушей.)

— С рук принца тоже стекала кровь, и он заметил в траве окровавленный кинжал, скрытый меж корней дерева. Его возлюбленную убили и сделали это так, чтобы подозрение упало на принца.

«Королева! — взревел принц. — Она виновна в этом предательстве!»

Вдали послышались шаги жителей ближайшей деревни.

Принц понимал, что если они увидят мертвую девушку, кровь и нож, то решат, что он — убийца, и казнят его за это преступление.

(— И королева сможет править и не бояться соперников, — с отвращением добавил Конор. — Надеюсь, в конце истории ты оторвешь ей голову.)

— Принцу было некуда бежать. Его лошадь украли, пока он спал. Единственным укрытием было тисовое дерево.

Только у него принц мог попросить помощи.

В те времена мир был моложе, преграды тоньше, и их было легче пересечь. И принц об этом знал. Он поднял голову и заговорил с громадным тисовым деревом.

(Монстр умолк.

— Что он сказал? — спросил Конор.

— Он сказал достаточно, чтобы я решил явиться ему. Я сразу почувал несправедливость.)

— Принц побежал навстречу деревенским жителям и закричал: «Королева убила мою невесту! Мы должны остановить ее!»

Слухи о том, что его бабушка — ведьма, давно витали в народе, а самого принца так любили, что крестьяне быстро поверили его словам и осознали очевидную правду. Особенно когда увидели, что за ним стоит Зеленый Человек, высокий, как холмы, жаждущий отмщения.

(Конор окинул взглядом громадные руки и ноги монстра, кривой рот с острыми зубами, всю его пугающую чудовищную фигуру. Он представил, о чем подумала королева, когда увидела его.

И улыбнулся.)

— Разгневанные подданные ворвались в королевский замок, и от их ярости дрожали каменные стены, падали колонны, рушились потолки. Королеву нашли в ее покоях, связали и потащили к столбу, чтобы сжечь заживо.

— Отлично, — улыбнулся Конор. — Она это заслужила. — Он взглянул на окно комнаты, где спала его бабушка. — А с ней ты мне не поможешь? То

есть, конечно, я не хочу, чтобы ее сжигали заживо или вроде того, но, может, хотя бы...

— *История*, — сказал монстр, — *еще не окончена.*

Конец первой истории

— Нет? Королеву же свергли.

— *Да. Но это сделал не я.*

Конор смешался.

— Но ты сказал, что сделал так, чтобы ее никогда больше не видели.

— *Так я и поступил. Когда деревенские жители подожгли столб, я спас королеву из огня.*

— Что?!

— *Я забрал ее и унес далеко-далеко, где они никогда бы ее не нашли, дальше земель ее родного*

королевства, и оставил в деревне у моря мирно доживать свою жизнь.

Конор вскочил на ноги и возмущенно воскликнул:

— Не может быть! Она убила дочь фермера! Как ты мог спасти убийцу?! — Его лицо исказилось, и он сделал шаг назад. — Ты и правда *монстр*.

— *Разве я говорил, что она убила дочь фермера? Принц* сказал, что она это сделала.

Конор моргнул. И скрестил руки на груди.

— И кто же ее убил?

Монстр раскинул свои огромные руки, и поднялся легкий ветер с туманом. За ним еще был виден дом Конора, но туман покрыл весь сад, и вместо него Конор увидел поле, громадное тисовое дерево и двух возлюбленных, спящих у его корней.

— *После их соития,* — сказал монстр, — *принц не уснул.*

Конор увидел, как юноша поднялся и опустил взгляд на спящую дочь фермера. Даже Конор понимал, как она прекрасна. Какое-то время принц смотрел на нее, а затем завернулся в одеяло и подошел к лошади, привязанной к одной из ветвей дерева. Он что-то взял из переметной сумы, отвязал лошадь и крепко шлепнул ее по крупу, чтобы она убежала. А затем приподнял загадочный предмет.

В лунном свете блеснул нож.

— Нет! — воскликнул Конор.

Монстр свел руки, и туман скрыл принца, который подкрадывался к девушке с ножом наготове.

— Ты сказал, что он был поражен, когда она не проснулась! — недоумевал Конор.

— *Убив дочь фермера, принц лег рядом с нею и уснул. Проснувшись, он разыграл сцену на случай, если кто-то их видит. Но также и для себя.* — *Ветви монстра закрипели.* — *Порой люди больше всего нуждаются в том, чтобы обмануть самих себя.*

— Ты сказал, что он попросил тебя о помощи! И ты помог ему!

— *Я всего лишь сказал, что его слова убедили меня явиться ему.*

Конор удивленно переводил взгляд с монстра на сад, который вновь проступал из рассеивающегося тумана.

— Что он сказал? — спросил мальчик.

— *Что он сделал это ради королевства. Что королева на самом деле ведьма, и его дед подозревал об этом, когда женился на ней, но решил не придавать этому значения из-за ее красоты. Принц не мог в одиночку справиться с могущественной колдуньей. Ему нужна была помощь разгневанных деревенских жителей. В этом ему помогла смерть дочери фермера. Он сожалел о своем поступке, смерть девушки опечалила его до глубины души, но эта жертва спасла королевство, как когда-то спасла его смерть отца. Благодаря ей народ свергнет великое зло. И когда принц кричал о том, что это королева убила его невесту, он по-своему верил в то, что это правда.*

— Какая чушь! — возмутился Конор. — Зачем было ее убивать? Крестьяне любили принца. Они бы и так за ним последовали.

— *К оправданиям убийц всегда следует относиться скептически,* — сказал монстр. — *Да, я явился потому, что увидел несправедливость, но по отношению не к принцу, а к королеве.*

— И его поймали? Его наказали?

— *Он взошел на трон, и народ любил его. Он был счастлив и правил королевством до конца своих долгих дней.*

Конор взглянул на окно своей спальни и нахмурился:

— Значит, благородный принц оказался убийцей, а злая королева — вовсе не ведьмой. Вот что я должен извлечь из истории? Что надо быть к ней *добрее?*

Послышался непривычный, странный грохот, и только спустя минуту Конор понял, что монстр смеется.

— *Думаешь, я рассказываю истории, чтобы преподать тебе урок? Что я явился из пространства времени и земли, чтобы преподать тебе урок доброты?*

Он смеялся все громче и громче, так, что земля затряслась и начало казаться, что небо вот-вот рухнет вниз.

— Ну... ладно, — смутился Конор.

— *Нет-нет,* — уже успокоившись, заверил его монстр. — *Королева на самом деле была ведьмой*

и вполне могла совершить великое зло. Что тут скажешь? В конце концов, она пыталась удержаться за власть.

— Тогда почему ты ее спас?

— *Потому что убийцей она не была.*

Конор прошелся по саду, раздумывая над историей. Так продолжалось какое-то время. Наконец он спросил:

— Я не понимаю, кто здесь тогда хороший?

— *Не всегда бывают только хорошие люди. Или только плохие. Чаще всего в каждом есть и те, и другие черты.*

Конор покачал головой:

— Ужасная история. И нечестная.

— *Она настоящая. Правда зачастую кажется обманом. Королевства получают принцев, которых они достойны, дочери фермеров незаслуженно умирают, а ведьмы стоят того, чтобы их спасли. Это часто случается. Чаще, чем ты думаешь.*

Конор снова посмотрел на окно своей спальни и представил, как бабушка спит в его кровати.

— И как это может спасти меня от нее?

Монстр поднялся во весь рост и опустил взгляд на Конора.

— *Не от нее тебя надо спасать,* — сказал он.

Конор приподнялся на диванчике, тяжело дыша.

Полночь и семь минут на часах.

— Черт! — выругался Конор. — Это сон или нет?

Он злобно вскочил...

И ударился обо что-то пальцем ноги.

— Что *теперь*? — проворчал Конор, наклоняясь, чтобы включить свет.

Из завитка на деревянном полу пробился свежий, молодой и крепкий росток где-то в фут высотой.

Какое-то время мальчик тупо глядел на него, а потом поспешил в кухню за ножом, чтобы его срезать.

Соглашение

— Я тебя прощаю, — сказала Лили, когда догнала его по пути в школу на следующий день.

— За что? — спросил Конор, не глядя на нее. Он все еще злился из-за истории монстра, из-за ее хитрого и неожиданного поворота и оттого, что она оказалась бесполезной. Он полчаса пытался выпилить этот дурацкий крепкий росток. Казалось, что только Конор закрыл глаза — уже наступило утро. Он осознал это, только когда бабушка закричала,

что он опаздывает. Она даже не позволила попрощаться с мамой, сказав, что ночь у той выдалась тяжелая и ей надо отдохнуть. Конор почувствовал себя виноватым. Если маме правда было так плохо, он должен был быть с ней рядом, а не бабушка, которая не дала ему как следует почистить зубы, впихнула в руки яблоко и вытолкала за дверь.

— За то, что из-за тебя меня наказали, глупый, — довольно мягко объяснила Лили.

— Ты сама в это ввязалась. Ты толкнула Салли.

— За то, что *соврал*, — уточнила Лили. Ее кудри были туго перетянуты лентой.

Конор продолжал идти, не замедляя шага.

— Не хочешь извиниться в ответ? — спросила девочка.

— Не-а.

— Почему?

— Я не чувствую себя виноватым.

— Конор...

— Я не виноват. И я тебя *не* прощаю.

Какое-то время они смотрели друг на друга, освещенные холодным утренним солнцем, — никто не хотел первым отводить взгляд.

— Мама сказала, что надо быть к тебе снисходительнее, — наконец выговорила Лили. — Из-за того, через что тебе приходится проходить.

На секунду Конору показалось, что солнце спряталось за облаками. Почудились неожиданные молнии, и он словно ощутил, как они вот-вот взорвутся в небесах, пройдут через его тело и вырвутся

из кулаков. На секунду ему показалось, что он способен схватить сам воздух, закрутить его вокруг Лили и разорвать ее на...

— Конор? — удивилась Лили.

— Твоя мама *ничего* не понимает. И ты тоже.

И он быстро ушел прочь, оставив ее позади.

Чуть больше года назад Лили рассказала парочке своих друзей про маму Конора, хоть он и не говорил, что она может об этом рассказывать. Ее друзья рассказали своим друзьям, те — своим, и не прошло и дня, как вокруг Конора образовалась мертвая зона, словно возле него были заложены мины, на которые все боялись наступить. Люди, которых он считал друзьями, резко замолкали, стоило ему подойти. Конечно, кроме Лили, у него друзей особо не было, *но все же*. Конор слышал, как о нем шепчутся в коридоре во время большой перемены. Даже учителя стали смотреть на него иначе, когда он вызывался отвечать на уроках.

Вскоре он перестал общаться со старыми друзьями, перестал оглядываться на шепотки и даже поднимать руку в классе.

Но, кажется, никто этого не заметил. Он как будто стал невидимым.

Впервые ему было так тяжело в школе, впервые он так обрадовался летним каникулам. Мама продолжала ходить на терапию и частенько по-

вторяла, что процедуры тяжелые, но «помогают», и осталось не так много визитов в этой бесконечной череде. Она должна была вылечиться, и в новом учебном году они смогли бы начать все заново, оставив этот кошмар позади.

Но не вышло. Курс лечения продолжался дольше, чем они ожидали, пошел по второму кругу и по третьему. Учителя оказались еще ужаснее, чем в том году, потому что знали его только как мальчика с больной матерью, а не того, кем он был раньше. И другие дети все так же относились к *нему*, как к больному, особенно теперь, когда на него обратили внимание Гарри и его приспешники.

По дому разгуливает бабушка, а ему снятся деревья.

А может, это был не сон. И это даже хуже.

Конор сердито шагал в сторону школы. Он винил Лили потому, что в основном это была *ее* вина, разве нет?

Он винил Лили, потому что... кого еще?

В этот раз Гарри ударил его в живот.

Конор упал и оцарапал колено о бетонную ступеньку, порвав школьные брюки. Неприятнее всего была эта дыра. Он совсем не умел шить.

— Ну ты и дурень, О'Мэлли, — рассмеялся где-то позади него Салли. — Падаешь постоянно.

— Тебе надо сходить к врачу, — добавил Энтон.

— Может, он пьян, — сказал Салли, и они снова засмеялись. Но между ними стояла тишина. Конор знал, что Гарри не смеется. Можно было даже не

оглядываться — и так было ясно, что Гарри молча наблюдает за ним, чтобы увидеть его реакцию.

Конор встал и увидел Лили у школьной стены. Перемена заканчивалась, и Лили возвращалась в класс вместе с другими девочками. Она с ними не разговаривала, только поглядывала на Конора, уходя прочь.

— Сегодня суперпудель не спешит на помощь! — хохотнул Салли.

— Повезло тебе, Салли, — впервые заговорил Гарри. Конор все еще стоял к ним спиной, но он заметил, что Гарри не засмеялся над своей шуткой. Конор наблюдал за Лили, пока она не скрылась из виду.

— Смотри на нас, когда мы с тобой разговариваем! — возмутился Салли, очевидно смущенный замечанием Гарри, он схватил Конора за плечо и развернул его к себе.

— Не трожь его. — Гарри произнес это спокойно и тихо, но так грозно, что Салли тут же отошел назад. — У нас с О'Мэлли соглашение. Только я могу до него дотрагиваться. Ведь так?

Конор выждал немного и неторопливо кивнул. Это было похоже на соглашение.

Гарри приблизился к нему, не отводя пустого взгляда. Конор не отступил, и они стояли лицом к лицу, пока Салли с Энтоном нервно переглядывались.

Гарри слегка наклонил голову, как будто у него назрел вопрос, на который он не мог найти ответа. Конор не двигался. Остальные ученики уже

вернулись в школу. Он ощущал тишину, покрывшую все вокруг. Даже Энтон и Салли умолкли. Им пора идти в класс. Прямо *сейчас*.

Но никто не шелохнулся.

Гарри сжал руку в кулак и замахнулся, словно желая ударить Конора по лицу.

Конор не отшатнулся. Он даже не дернулся. Только смотрел Гарри в глаза, ожидая удара.

Но его не было.

Гарри медленно, не отрывая взгляда, опустил руку, и она повисла вдоль тела.

— Да, — наконец произнес он тихо, словно что-то осознав. — Так я и думал.

И снова раздалось роковое:

— Мальчики! — Это крикнула им мисс Кван. Она неслась к ним вдоль двора, грозная, как всадник апокалипсиса. — Перемена кончилась три минуты назад! Почему вы все еще здесь?

— Простите, мисс, — неожиданно звонко сказал Гарри. — Мы с Конором обсуждали автобиографии, домашнее задание миссис Марл, и потеряли счет времени. — Он хлопнул Конора по плечу, как закадычного друга. — Конор лучше всех разбирается в историях. — Гарри многозначительно кивнул. — И общение помогает ему забыть о проблемах.

— Что ж, — нахмурилась мисс Кван. — Вполне правдоподобно. Но это первое предупреждение. Еще раз нашкодите сегодня, и я вас всех оставлю после уроков.

— Да, мисс, — радостно ответил Гарри, и его приспешники пробормотали что-то подобное. Они побрели к зданию школы, и Конор поплелся за ними, отставая на пару-тройку шагов.

— Подожди, Конор, — сказала мисс Кван.

Он остановился и обернулся, но не поднял на учительницу взгляда.

— Ты уверен, что между вами все в порядке? — спросила мисс Кван «ласковым» голосом, который был лишь на йоту менее пугающим, чем ее громкие крики.

— Да, мисс, — ответил Конор, все еще не глядя на нее.

— Ведь я не слепая, я знаю, каков этот Гарри. То, что он — харизматичный отличник, не значит, что он *не* задира. — Она раздраженно вздохнула. — Наверное, станет однажды премьер-министром. Боже упаси.

Конор ничего не ответил. Тишина приобрела особое свойство, с которым он уже был знаком. Мисс Кван придвинулась к нему, опустила плечи и склонила голову.

Он знал, что будет дальше. Знал и уже ненавидел.

— Представить себе не могу, через что ты сейчас проходишь, Конор, — тихо, почти шепотом сказала учительница. — Но если захочешь поговорить, моя дверь всегда для тебя открыта.

Он не мог на нее смотреть, не мог вытерпеть заботы, которая сквозила в ее словах.

(Потому что он этого не заслуживал.)

(В сознании промелькнул кошмар, крики и ужас, и то, что случилось в конце...)

— Все в порядке, мисс, — пробормотал Кононор, разглядывая свою обувь. — Я ни через что такое не прохожу.

Прошла секунда, и мисс Кван опять вздохнула.

— Ну ладно. Забудь про первое предупреждение и иди в класс. — Она потрепала его по плечу, пересекла двор и исчезла в дверях.

На мгновение Кононор остался один.

Он был уверен, что может простоять здесь весь день, и ничего ему за это не будет.

Но почему-то от этого на душе становилось только гаже.

Разговор

Не успел Конор закрыть входную дверь, вернувшись из школы, как уже заметил бабушку, подждавшую его на диванчике.

— Нам надо поговорить, — сказала она с таким видом, что Конор застыл на месте, и у него заныло в животе.

— Что случилось? — спросил он.

Бабушка тяжело и шумно вдохнула через нос и уставилась в окно, словно собираясь с мыслями.

Она походила на хищную птицу. На ястреба, способного поднять в воздух овцу.

— Твоей маме надо вернуться в больницу. Ты останешься у меня на пару дней. Начинай собираться.

Конор не шелохнулся.

— Что с ней?

На мгновение бабушкины глаза расширились, словно она не могла поверить в то, что он задал такой очевидно глупый вопрос, но ее лицо быстро смягчилось.

— Боли очень сильные. Сильнее, чем обычно.

— У нее есть лекарство от боли... — начал было Конор, но бабушка хлопнула в ладоши — всего раз, но так *громко*, что он умолк.

— Не помогает, Конор, — твердо сказала она, смотря куда-то поверх него. — Не помогает.

— Что не помогает?

Бабушка еще пару раз несильно хлопнула в ладоши, словно проверяя их на что-то, и опять посмотрела в окно, и все это молча, крепко сжав губы. Наконец она встала и поправила платье.

— Твоя мама наверху. Она хочет с тобой поговорить.

— Но...

— Папа прилетит в воскресенье.

Конор напрягся.

— Папа приедет?..

— Мне надо позвонить. — Бабушка прошла мимо него к входной двери и достала из кармана мобильный телефон.

— Зачем ему приезжать?

— Мама тебя ждет, — сказала бабушка и захлопнула входную дверь.

Конор даже не успел снять рюкзак.

Его отец прилетит. Отец. Из Америки. Он не бывал у них с позапрошлого Рождества. У его новой жены все время случалось что-то неотложное, из-за чего он не мог часто к ним приезжать, особенно после того, как у них родился ребенок. Конор привык, что отца нет рядом, потому что он все реже и реже гостил у них и звонил.

Его отец прилетит.

Почему?

— Конор? — послышался голос мамы.

Она лежала не в своей комнате, а в комнате Конора, на кровати, поверх одеяла, и глядела в окно на церковное кладбище.

И тисовое дерево.

Обычное тисовое дерево.

— Привет, милый, — улыбнулась мама, но Конор заметил, что у нее мешки под глазами, и понял, что ей очень больно — так больно ей было только однажды. В тот раз она тоже легла в больницу и провела там почти две недели. Это случилось на прошлую Пасху, и время, проведенное у бабушки, было смертельно тяжелым для них обоих.

— Что случилось? — спросил Конор. — Почему ты возвращаешься в больницу?

Мама похлопала по одеялу, предлагая ему присесть.

Конор не сдвинулся с места.

— В чем дело?

Она все еще улыбалась, но чуть более натянуто, и проводила пальцами по узору из мишек гризли на одеяле, для которого Конор был уже слишком взрослым. Мама небрежно повязала на голове свой алый шарф, и местами проглядывала ее бледная кожа. Наверное, она не пробовала даже делать вид, что примеряет бабушкины старые парики.

— Со мной все будет в порядке. Правда.

— Да?

— Мы уже говорили об этом, Конор. Не волнуйся. Помнишь, мне было плохо, но в больнице мне помогли. И в этот раз будет так же. — Она снова похлопала по одеялу. — Почему бы тебе не посидеть рядом со своей уставшей старой мамой?

Конор нервно сглотнул, но ее улыбка стала еще ярче и однозначно была настоящей. Он подошел к ней и сел на кровать лицом к окну. Мама провела пальцами по его волосам, и Конор увидел перед глазами ее руку — такую тощую, словно в ней не было мяса, только кожа да кости.

— Зачем папа приезжает? — спросил Конор.

Мама замерла, а затем убрала руку.

— Вы давно не виделись. Ты не рад?

— Бабушка выглядит не особо довольной.

Мама фыркнула.

— Ты же знаешь, как она относится к твоему папе. Не слушай ее, просто радуйся его приезду.

Какое-то время они сидели молча.

— Есть что-то еще, о чем ты мне не говоришь, — наконец произнес Конор. — Да?

Он заметил, что мама выпрямилась на подушке.

— Взгляни на меня, сынок, — мягко сказала она.

Конор повернулся, хотя готов был заплатить любую цену, лишь бы этого не делать.

— Эта терапия мне не помогла. А значит, они попробуют подстроиться под меня, применить другое лечение.

— В этом дело?

— Да, — кивнула мама. — Такое бывает. У них еще много возможностей. Не беспокойся.

— Ты уверена?

— Да.

— Потому что... — Конор осекся и посмотрел в пол. — Ты можешь мне все рассказать.

Он почувствовал, как его обнимают узкие, худые руки, которые раньше были такими мягкими. Мама ничего не говорила, только прижала его к себе. Конор смотрел в окно, и мама проследила за его взглядом.

— Это тисовое дерево, — наконец сказала она.

Конор закатил глаза, но вовсе не раздраженно.

— Да, мама, ты мне тысячу раз это говорила.

— Приглядывай за ним, пока меня нет, хорошо?
Чтобы оно все еще росло здесь, когда я вернусь.

Конор понимал: так мама хочет сказать, что вернется. Он кивнул, и они продолжили смотреть на дерево.

Которое, сколько бы они ни смотрели, так и оставалось деревом.

Дом бабушки

Пять дней. Монстр не появлялся пять дней.

Может, он не знал, где живет бабушка. Или идти было слишком далеко. Ее сад нельзя было назвать садом, хотя дом у бабушки был *намного* больше, чем у Конора и его мамы. За ее домом теснились сараи, каменный пруд и деревянный «офис», занимавший дальнюю часть двора, в котором она чаще всего занималась своей работой агента по недвижимости — такой скучной, что Конор пропускал

мимо ушей все, что бабушка про нее рассказывала. Больше на заднем дворе ничего не было, кроме разве что дорожек из кирпича и цветов в горшках. Дереву там негде поместиться. Там не было даже *травы*.

— Хватит пялиться в никуда, молодой человек, — сказала бабушка, высовываясь во двор и надевая сережку. — Скоро приедет твой отец. А я пока навещу твою маму.

— Я не пялился.

— Несущественно. Заходи в дом.

Она исчезла за дверью, и Конор медленно поплелся за ней. Сегодня, в воскресенье, прилетал папа. Он должен заехать сюда за Конором, и они навещают маму, а потом проведут время вместе, «как отец и сын». Хотя Конор был почти уверен в том, что это кодовое название для очередного «Нам Надо Поговорить».

Когда папа приедет, бабушки не будет дома.

Это всем на руку.

— Будь добр, убери свой рюкзак из прихожей, — сказала бабушка, проскользнув мимо Конора и схватив сумочку. — Мы же не хотим, чтобы он подумал, будто ты живешь в свинарнике.

— Это вряд ли, — проворчал Конор себе под нос, пока бабушка отошла к зеркалу, чтобы проверить свой макияж.

В доме бабушки было чище, чем в маминой больничной палате. Уборщица Марта приходила по средам, но Конор не понимал зачем. Каждое

утро, только встав с кровати, бабушка принималась пылесосить, устраивала стирку четыре раза в неделю, а однажды помыла ванну в полночь, перед сном. Она не складывала посуду в раковину, а сразу ставила в посудомойку, и как-то раз забрала тарелку прямо у Конора из-под носа, когда он и доесть-то не успел.

— Жить одной в моем возрасте... — день изо дня повторяла бабушка. — Если не я буду содержать дом в порядке, то кто?

И это всегда звучало как вызов — ответит Конор что-нибудь или нет?

Бабушка отвозила его в школу, и он всегда оказывался там задолго до начала уроков, хотя ехать до нее было целых сорок пять минут. И она забирала его из школы и отвозила в больницу, повидаться с мамой. Они проводили там около часа — или меньше, если у мамы не было сил разговаривать, а это случилось дважды за последние пять дней — а потом ехали домой к бабушке, где она заставляла Конора выполнять домашнюю работу, а сама выбирала, что бы такого заказать на ужин, чего они еще не пробовали.

Это напоминало Конору гостиницу типа «постель и завтрак», в которой они с мамой остановились однажды летом в Корнуолле. Только здесь было чище. И порядки строже.

— Так вот, Конор, — сказала бабушка, натягивая пиджак. В это воскресенье у нее не было встреч с клиентами, и Конор не понимал, зачем

она так наряжается в больницу. Скорее всего этим она хочет добиться того, чтобы его папе стало неудобно. — Твой отец может не заметить, как устала мама, так что мы должны работать сообща и убедиться в том, что он не задержится дольше положенного. — Бабушка еще раз погляделась в зеркало и тихо добавила: — Хотя что это изменит?..

Она обернулась, помахала ему рукой на прощание, точнее — легонько взмахнула и сказала:

— Веди себя хорошо.

Дверь за ней захлопнулась, и Конор остался один в ее доме.

Он поднялся в гостевую комнату, которую выделила ему бабушка. Она говорила, что это *его* комната, но сам Конор ее так не называл, из-за чего бабушка качала головой и что-то бормотала себе под нос.

А чего она ожидала? Это *не похоже* на его комнату. *Ни на чью* комнату, и уж точно не на мальчишескую. Пустые белые стены, украшенные тремя разными изображениями парусных кораблей (бабушкины представления о том, что нравится мальчикам, были довольно узкими), и всего два предмета мебели: кровать со слепяще белыми одеялом и покрывалом и дубовый шкаф, такой громадный, что в нем можно было бы обедать.

Такая комната может принадлежать кому угодно, в любом доме на любой планете!

Конору не нравилось даже в ней *находиться*, пусть тут и можно было спрятаться от бабушки. И сейчас он шел туда за книгой, потому что бабушка запретила привозить в ее дом игровую консоль. Конор вытащил из сумки книжку и, выходя из комнаты, выглянул в окно на задний двор.

Все те же дорожки, сараи и офис.

И ничто на него не смотрит.

В гостиной, где вообще-то полагается сидеть, никто не сидел. Конора даже туда не пускали — не дай бог запачкает обивку. Разумеется, туда он и пошел читать книжку и дожидаться своего отца.

Конор плюхнулся на бабушкин диванчик с витыми деревянными ножками — такими узкими, что казалось, будто диван одет в туфли на каблуках. Напротив стоял сервант, в котором красовались тарелки и чашки с такими ажурными краями, что пить из них чай, не порезав губы, казалось невозможным. Над камином висели любимые бабушкины часы, которые позволялось трогать только ей. Она получила их в наследство от своей мамы и давно грозилась отнести на телешоу «Антикварные гастроли», чтобы их оценили. В часах даже был настоящий маятник, который бил каждые пятнадцать минут, да так громко, что от неожиданности можно было аж подпрыгнуть.

Гостиная походила на комнату в музее, посвященном жизни людей в старые времена. В ней

даже не было телевизора. Он стоял на кухне, и его почти никогда не включали.

Конор читал. Ведь чем еще заняться?

Он хотел поговорить с отцом перед тем, как тот улетит обратно в Америку, но им надо было еще съездить к маме в больницу, и, учитывая разницу во времени и мигрени новой жены, которые всегда мучили ее в самые неподходящие моменты, Конор был рад любой возможности увидеть его.

Конор взглянул на часы с маятником. Двенадцать сорок две. Они пробьют через три минуты.

Три полые, беззвучные минуты.

Конор осознал, что страшно нервничает. Он уже давно не видел папу в жизни, а не по Скайпу.

Будет ли он выглядеть иначе? А *Конор*?..

Есть и другие вопросы. Почему он прилетает именно *сейчас*? Маме было плохо, и после пяти дней в больнице, казалось, стало только хуже, но она надеялась на то, что новое лекарство ей поможет. До Рождества еще далеко, а день рождения Конора уже прошел. Так почему сейчас?

Конор оглядел пол гостиной, покрытый очень дорогим и, похоже, старинным овальным ковром. Он наклонился и приподнял край ковра. На одной из отшлифованных досок Конор заметил маленький нарост. Он пробежался по нему пальцами, но доска была такой старой и гладкой, что нарост на ней совсем не чувствовался.

— Ты здесь? — прошептал Конор.

Вдруг раздался звонок в дверь. Конор подскочил и выбежал из гостиной. Он не ожидал, что будет так сильно радоваться. Он открыл входную дверь.

За ней стоял его отец. Он сильно изменился, но остался все таким же.

— Привет, сынок, — сказал папа странно изменившимся под влиянием Америки голосом.

Конор за весь год так широко не улыбался.

МОЛОТОК

— Как держишься, молотком? — спросил папа, пока они ждали официантку с пиццей.

— *Молотком?* — переспросил Конор, скептически подняв бровь.

— Прости, в Америке совершенно другой язык.

— С каждым разом ты говоришь все чуднее.

— Что ж... — Отец потеревил ножку бокала для вина. — Рад тебя видеть.

Конор отпил кока-колы. Они уже побывали в больнице, и мама выглядела очень больной. Им

пришлось ждать, пока бабушка отведет ее в туалет, и после этого мама так устала, что все, на что у нее хватило сил, — это сказать «Привет, милый» Конору и «Привет, Лиам» отцу, прежде чем она снова уснула. Не прошло и минуты, как бабушка выставила их из палаты с таким лицом, что даже папа не осмелился с ней спорить.

— Твоя мама... — начал отец, вглядываясь в никуда. — Настоящий боец, верно?

Конор пожал плечами.

— А *ты* как держишься, Кон?

— Ты уже восьмисотый раз за день спрашиваешь.

— Прости.

— Я *в порядке*. Маме дают новые лекарства. Ей станет лучше. Выглядит она неважно, но такое бывало и раньше. Почему все ведут себя так, словно... — Он осекся и отпил кока-колы.

— Ты прав, сынок. Совершенно прав. — Отец поставил бокал на стол и покрутил его. — И все же тебе надо оставаться сильным ради нее, Кон. Тебе понадобится мужество.

— Я как будто смотрю американское телевидение.

Папа тихо засмеялся.

— Твоя сестра неплохо поживает. Почти научилась ходить.

— *Единокровная* сестра.

— Скорее бы вы с ней встретились. Надо устроить так, чтобы ты к нам приехал. Может, получится даже на это Рождество. Как тебе идея?

Конор взглянул отцу в глаза:

— А как же мама?

— Я поговорил с твоей бабушкой. Она не против, главное, чтобы мы тебя вернули к началу триместра.

Конор пробежался рукой по краю стола.

— Значит, я просто приеду в гости?

— В смысле? — удивился отец. — В гости, а не... — Он умолк, и стало ясно: он понял, что хотел сказать его сын. — Конор...

Но Конор не дал отцу закончить.

— Комне приходит дерево, — затараторил он, сдирая этикетку с бутылки кока-колы. — Оно появляется у моих окон по ночам и рассказывает мне истории.

Папа недоуменно заморгал.

— *Что?*

— Сначала я думал, что это сон, — продолжил Конор, царапая этикетку, — но наутро я находил то листья, то ростки, пробившиеся из пола. Я их прятал, чтобы никто об этом не узнал.

— Конор...

— К бабушке оно еще не приходило. Может, потому, что она слишком далеко живет...

— Что ты...

— Но какая разница, если это все сон? Почему сон не может пересечь город? Если он не древний, как земля, и не огромный, как мир...

— Конор, *прекрати*...

— Я не хочу жить с бабушкой, — твердо сказал Конор. Его голос стал таким плотным, что каза-

лось, будто он душит мальчика. Он не отрывал взгляда от влажной этикетки и все так же сдирал ее ногтем. — Почему я не могу жить с тобой? Почему я не могу переехать в Америку?

Папа облизнул губы:

— Ты имеешь в виду, когда...

— Бабушкин дом — дом старой леди.

Папа хмыкнул.

— Я ей передам, что ты назвал ее старой леди.

— Там нельзя ничего трогать, ни на чем нельзя сидеть. Беспорядок не продержится и двух секунд. А Интернет проведен только в ее офисе, а мне туда нельзя.

— Я уверен, что мы можем с ней это обговорить. Наверняка есть много способов сделать так, чтобы у нее ты чувствовал себя как дома.

— Я *не хочу* чувствовать себя там как дома! — воскликнул Конор. — Мне нужна моя комната в моем доме!

— В Америке у тебя этого не будет. Мы втроем-то живем в тесноте. А у твоей бабушки намного больше денег и комнат, чем у нас. К тому же здесь твоя школа, твои друзья, вся твоя *жизнь*. Было бы нечестно отрывать тебя от всего этого.

— По отношению к кому?

Папа вздохнул.

— Об этом я и говорил. Об этом я и говорил, когда посоветовал тебе быть сильным.

— Все так говорят. Как будто это что-то значит.

— Прости меня, — сказал отец. — Звучит несправедливо, и я хотел бы, чтобы все было иначе...

— Правда?

— *Конечно.* — Папа перегнулся через стол. — Но это к лучшему. Вот увидишь.

Конор сглотнул, не глядя ему в глаза. И снова сглотнул.

— Поговорим об этом еще, когда маме станет лучше?

Папа медленно выпрямился на стуле.

— Конечно, дружище. Так мы и сделаем.

Дружище?

— Прости, — улыбнулся папа, поднял бокал с вином и опустошил его. Охнув, он поставил бокал на стол и насмешливо посмотрел на сына. — А к чему была эта речь про дерево?

Но тут пришла официантка с их пиццами, и они замолчали.

— Американо, — нахмурился Конор, глядя на выбор отца. — Интересно, умей эта пицца говорить, она говорила бы так же, как ты?

У американцев мало выходных

— На дом твоей бабушки пока не похоже, — сказал папа, паркуя взятую напрокат машину у дома бабушки.

— Иногда она уезжает в больницу, когда я ложусь спать. Медсестры разрешают ей спать там в кресле.

Папа кивнул.

— Может, я ей и не нравлюсь, но это не значит, что она плохой человек.

Конор перевел взгляд на окно.

— Ты здесь надолго? — только сейчас осмелился спросить он.

Отец тяжело вздохнул, а это значило, что ничего хорошего он не скажет.

— Боюсь, всего на пару дней.

Конор повернулся к нему.

— И все?

— У американцев мало выходных.

— Ты не американец.

— Но тепер я там живу, — широко улыбнулся папа. — Ты весь вечер смеялся над моим акцентом.

— Тогда зачем ты приехал? — напрямик спросил Конор.

Отец замялся, прежде чем ответить.

— Потому что твоя мама меня попросила. — Казалось, он хотел сказать что-то еще, но не стал.

И Конор промолчал.

— Но я вернусь, если потребуется, — сказал папа и просиял. — И ты приедешь к нам на Рождество! Будет весело!

— В твоём тесном доме, где для меня нет места.

— Конор...

— А потом я снова вернусь в школу.

— Кон...

— Зачем ты приехал? — тихо повторил Конор.

Отец не ответил. В машине воцарилась тишина. Казалось, что между ними разверзлась пропасть. Папа потянулся к плечу сына, но тот оттолкнул его руку и открыл дверь.

— Конор, *подожди*.

Конор замер, но не обернулся.

— Хочешь, я посижу с тобой, пока она не вернется? Составлю тебе компанию.

— Мне и одному неплохо, — сказал Конор и вышел из машины.

В доме было тихо, когда он вошел. Неудивительно.

Он был один.

Конор снова плюхнулся на дорогой диванчик, и тот заскрипел под его весом. Ему так понравился этот звук, что он поднялся и снова плюхнулся на диван. Потом встал и прыгнул на него. Деревянные ножки застонали, оцарапав пару дюймов пола и оставив четыре одинаковые полосы на твердой древесине.

Конор улыбнулся. *Замечательно*.

Он вскочил и толкнул диванчик ногой, чтобы он отъехал еще дальше. Он сам и не заметил, что тяжело дышит, а голова горит, как будто у него температура. Он еще раз толкнул диван.

И поднял взгляд на часы.

Любимые часы его бабушки, висевшие над камином. Маятник качался влево-вправо, влево-вправо, словно был занят своей личной жизнью и не обращал на Конора внимания.

Сжав кулаки, мальчик медленно подошел к часам. Буквально через секунду они пробьют — *бум-*

бум-бум — девять часов. Конор не двигался, пока секундная стрелка не скользнула и не показала на двенадцать. Не успел раздаться *бум*, как он схватил взлетевший маятник.

Конор слышал, как механизм часов застонал на первом «б» застывшего в воздухе прерванного «бум». Свободной рукой Конор подвинул минутную и секундную стрелки с двенадцати. Они не давались, но он нажал сильнее, из-за чего они издали громкий неприятный «щелк». Внезапно стрелки вырвались из незримого плена, и Конор сумел прокрутить их, захватив заодно и часовую, из-за чего где-то внутри часов послышались жалостливые недо-*бумы* и болезненные щелчки.

Конор ощущал, как у него на лбу выступает пот, а грудь словно пылает жаром.

(...почти как в кошмаре, такой же сумасшедший размытый мир, ускользающий от него, но в этот раз *Конор* им управляет, в этот раз он — кошмар...)

Секундная, самая тонкая из стрелок, внезапно открепилась и упала с циферблата, отлетела от ковра и скрылась в пепле камина.

Конор быстро отступил назад, отпустив маятник. Тот дернулся к центру, замер и больше не двигался. А часы больше не жужжали и не тикали, как раньше, и оставшиеся стрелки застыли на месте.

Ой-ой.

В животе все сжалось, когда он осознал, что наделал.

О нет, подумал Конор.

О нет.

Он их сломал.

Часы, которые, наверное, стоили дороже разбитой маминой машины.

Бабушка его убьет! Может, и в самом деле *убьет...*

И тут он заметил.

Часовая и минутная стрелки остановились не на абы каких цифрах.

— *Я разбираюсь в погромах, и этот — особенно жалкий,* — сказал монстр позади него.

Конор резко обернулся. Как-то, непонятным образом, монстр появился в гостиной его бабушки. Разумеется, он был слишком крупным для этой комнаты, и ему пришлось сильно наклониться, чтобы не пробить головой потолок, а ветви и листья в его теле сплетались все сильнее, стараясь занимать как можно меньше места, но все же монстр заполнил собой почти всю комнату, от угла до угла.

— *Разрушение, достойное мальчишки,* — добавил монстр, раздувая волосы Конора своим дыханием.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Конор. Внезапно у него появилась надежда. — Я сплю? Это сон? Как тогда, когда ты разбил окно в моей спальне, я проснулся и...

— *Я пришел рассказать тебе вторую историю,* — прервал его монстр.

Конор сердито фыркнул и посмотрел на сломанные часы.

— Такую же скучную, как предыдущая? — рассеянно спросил он.

— *С настоящим погромом в конце, если тебя это интересует.*

Конор снова повернулся к монстру. На его лице появилось выражение, в котором мальчик узнал зловещую ухмылку.

— Это история-обманка? Будет казаться, что все так, а окажется совсем иначе?

— *Нет,* — ответил монстр. — *Это история про человека, который думал только о себе.* — Монстр вновь улыбнулся, еще более жутко. — *И его очень, очень жестоко наказали.*

Какую-то долю мгновения Конор тяжело дышал и не говорил ни слова, думая о разбитых часах, о царапинах на древесине, о ядовитых ягодах, которые падали с монстра прямо на чистый бабушкин пол...

Конор подумал об отце.

— Я слушаю, — сказал он.

Вторая история

— Сто пятьдесят лет тому назад, — начал монстр, — в краю этом стала развиваться промышленность. Новые заводы появлялись всюду — как сорняки. Люди вырубали деревья, перерывали поля, загрязняли реки. Небо давилось дымом и пеплом, да и люди тоже — они кашляли и чесались дни напролет, не поднимая глаз от земли. Маленькие деревушки стали крупными селами, а села разрослись до больших городов.

И люди начали скорее кормиться самой землей, чем от нее.

Но не вся зелень исчезла — надо было только знать, где искать.

Монстр вновь раскрыл ладони — и по бабушкиной гостинной пронеслась волна тумана. Когда туман рассеялся, оказалось, что Кононор и монстр стоят под ярко-голубым небом в изумрудно-зеленом поле, вокруг которого раскинулась долина металла и кирпича.

— Так, значит, я и *впрямь* сплю, — проговорил мальчик.

— *Тише*, — сказал монстр. — *Вон он идет.*

И Кононор увидел угрюмого, хмурого, как туча, мужчину в тяжелых чёрных одеждах, он поднялся в гору по направлению к ним.

— *На окраине этих зеленых просторов жил один человек. Имя его не важно — им все равно никто никогда не пользовался. Жители деревни звали его просто Знахарем.*

— Кем-кем? — спросил Кононор.

— *Знахарем*, — повторил монстр.

— Кем-кем?

— *Знахарь — слово устаревшее, даже для тех времен; так раньше называли тех, кто лечил людей.*

— А, понятно, — отозвался Кононор. — Так бы сразу и сказал!

— *Но он носил это имя по праву, потому что знахари существуют издревле и знают толк*

в старинных способах лечения. В травах, кореньях, в отварах из листьев и ягод.

— Совсем как папина новая жена, — произнес Конор, пока они с монстром наблюдали за тем, как мужчина выкапывает из земли какой-то корешок. — Она владеет магазином, который торгует лечебными минералами.

Монстр нахмурился.

— *Тут нет почти ничего общего.*

Изо дня в день бродил Знахарь по окрестностям и собирал травы и листья. Но с годами его вылазки становились все длиннее и длиннее — ведь заводы и дороги стали активно появляться и за пределами города — как сыть, которую он так хорошо умел лечить. Если раньше он еще до утреннего чая успевал пополнить свои запасы миралиста и розоцвета, то теперь на это уходил целый день.

Мир менялся, и Знахарь озлобился. Вернее сказать, озлобился еще сильнее, потому что и раньше не отличался особой доброжелательностью. Он всегда был жадным и слишком много просил за лечение, порой даже больше, чем больной мог заплатить. Тем не менее он удивлялся, что жители деревни так его не любят, и считал, что заслуживает куда большего уважения. А поскольку его отношение к людям было скверным, они отвечали ему тем же, и со временем дошло до того, что его пациенты стали лечиться другими — современными — лекарствами у других — современ-

ных — врачей. Из-за чего Знахарь конечно же озлобился еще больше.

Их вновь объял туман, и картинка изменилась. Теперь они оказались на вершине небольшого холмика, покрытого зеленью. Чуть поодаль стоял дом приходского священника, а в окружении нескольких могильных плит росло высокое тисовое дерево.

— В той же деревне жил один священник...

— Это же тот холм, что находится позади моего дома! — перебил его Конор. Он огляделся, но увидел лишь несколько тропок и русло грязной речки — железную дорогу здесь еще не проложили, не было еще и улиц, застроенных рядами домов.

— У священника росли две дочери, — продолжил монстр, — и они были смыслом всей его жизни.

Из дома священника с громкими возгласами выбежали две девочки, они хихикали, смеялись и лупили друг дружку пучками вырванной с корнем травы. Они бегали вокруг тисового ствола и прятались друг от друга.

— Это же ты! — воскликнул Конор, указывая пальцем на дерево, которое в тот момент выглядело самым что ни на есть обычным образом.

— Да, верно, на землях священника, помимо прочего, росло тисовое дерево. И очень симпатичное, — добавил монстр.

— Тебе виднее, — сказал Конор.

— И вот, Знахарю срочно понадобилось это дерево.

— Да? А зачем? — спросил Конор.

Монстра его вопрос удивил.

— *Тисовое дерево — самое важное из всех целебных деревьев, — ответил он. — Оно живет тысячи лет. В его ягодах, коре, листьях, соке, древесине — во всем горит и пульсирует жизнь. Снадобье из этих ингредиентов — если только их подготовит и смешает правильный знахарь — избавляет от любых недугов, какими только может страдать человек.*

Конор нахмурился:

— Ты это все выдумываешь.

Лицо монстра приняло устрашающее выражение.

— *Ты смеешь сомневаться в моих словах, мальчик?*

— Нет, — ответил Конор, поспешно отступая от разгневанного монстра. — Просто я впервые об этом слышу.

Еще миг лицо монстра сохраняло грозное выражение, затем он продолжил свою историю:

— *Для того чтобы собрать с дерева все необходимые ингредиенты, Знахарю нужно было его срубить. Священник этого бы не позволил. Тис рос на этой земле еще задолго до того, как она перешла в собственность церкви. Кладбище здесь уже заложили и подготавливали все к строительству новой церкви. Тис должен был защищать церковь от непогоды и сильных дождей, и священник — сколько бы Знахарь его ни просил, а просил*

он очень часто, — и близко его к дереву не подпускал.

Священник был человеком образованным и добрым. Он желал своей пастве всего самого лучшего, в том числе и избавления от средневековых предрассудков и веры в колдовские силы. В своих проповедях он выступал против используемых Знахарем древних методов лечения, а скверный нрав Знахаря и его жадность только способствовали тому, что люди охотно соглашались с проповедями. Дела Знахаря пошли еще хуже.

Но однажды дочери священника заболели. Сначала слегла одна, а потом и вторая — они заразились инфекцией, которая ходила по всей деревне.

Небо потемнело, и Конор услышал, как кашляют в доме священника его дочери, а еще услышал громкие молитвы священника и плач его жены.

— Что бы священник ни делал — ничего не помогало. Ни молитвы, ни лекарства от современных врачей, что жили в городах неподалеку, ни снадобья, собранные на поле и робко и тайно предложенные прихожанам. Бесполезно. Дочки все слабели и медленно угасали. И в итоге не оставалось ничего, кроме как обратиться к Знахарю. Священник подавил в себе гордость и отправился к нему просить прощения.

— Помогите моим дочерям! — просил он, стоя на коленях на пороге знахарского дома. — Если не ради меня, то ради двух невинных девочек.

— С какой стати? — спросил Знахарь. — Из-за твоих проповедей никто у меня лечиться не хочет. Ты не подпустил меня к тисовому дереву — а без него я не могу готовить снадобья. Ты всю деревню настроил против меня.

— Я позволю тебе делать с деревом все, что захочешь, — ответил священник. — Я буду хвалить тебя в проповедях. Я буду направлять всех своих прихожан к тебе при любом недуге. Ты получишь все, что твоей душе угодно, только вылечи моих девочек.

Знахаря его слова удивили.

— И ты отречешься от всех своих убеждений?

— Ради спасения дочек я отрекусь от всего, — ответил священник.

— Ну, тогда мне нечем тебе помочь, — сказал Знахарь и захлопнул дверь перед носом своего гостя.

— Как так? — спросил Конор.

— Той же ночью обе дочери священника умерли.

— Как так? — снова спросил Конор, похолодев — ему казалось, что он видит кошмарный сон.

— И в ту самую ночь пришел я.

— Отлично! — закричал Конор. — Это безмозглое ничтожество заслуживает самого жестокого наказания.

— Я тоже так думал, — сказал монстр. — Вскоре после того, как часы пробили полночь, я разрушил дом священника до основания.

Конец второй истории

Конор круто развернулся лицом к монстру.

— Дом священника?

— Да, — сказал монстр. — Я обрушил крышу и повалил все стены кулаками.

Жилище священника все еще было у них перед глазами, и Конор увидел, как растущее рядом с ним тисовое дерево обернулось монстром и яростно напало на дом. С первым ударом по крыше распахнулась входная дверь, и священник с женой в ужасе выбежали на улицу и понеслись прочь. Монстр

из видения швырнул им вслед сорванную с дома крышу, и она едва их не задела.

— Что ты *творишь?* — закричал Конор. — Ведь злодей — это этот Зна-как-его-там!

— *Разве?* — спросил настоящий монстр за его спиной.

Раздался треск: второй монстр — из видения — повалил переднюю стену дома священника.

— Само собой! — закричал Конор. — Он отказался помогать и не стал лечить дочерей священника! И они *умерли!*

— *Священник не хотел верить в то, что Знахарь способен ему помочь, —* сказал монстр. — *Когда дела священника шли на лад, он едва не довел Знахаря до разорения, но стоило беде прийти в его дом, и он изъявил желание отказаться от любого убеждения ради спасения дочерей.*

— И что? — спросил Конор. — Так поступил бы любой! Так поступил бы *каждый!* А чего ты от него ждал?

— *Что он подпустит Знахаря к тису после первой же просьбы.*

От этих слов Конор осекся. Вновь послышался треск — это рухнула еще одна стена дома священника.

— И ты дал бы себя убить?

— *Я не какое-то там одно дерево, я больше, —* сказал монстр, — *и да, я позволил бы срубить тис. Это спасло бы дочерей священника. И много-много кого еще.*

— Но тогда дерево погубило бы, а Знахарь обогатился! — вскричал Конор. — А он был плохим человеком!

— Он был жадным, грубым и озлобленным, но все же умел лечить людей. А священник — кем был он? Да никем. Вера — это половина выздоровления. Вера в лекарство, вера в будущее, которое ждет впереди. А он был человеком, который жил за счет веры, но пожертвовал ею при первой же трудностях, как раз тогда, когда она больше всего была ему нужна. Он верил эгоистично и боязливо. И это стоило жизни его дочерям.

Конор начал злиться.

— Ты обещал, что в этой истории не будет обмана!

— Я обещал рассказать историю о человеке, который думал только о себе и поплатился за это. И я свое обещание выполнил.

Кипя от негодования, Конор вновь взглянул на второго монстра, уничтожающего дом священника. Огромная чудовищная нога одним ударом сшибла лестницу. Огромная чудовищная рука замахнулась и сломала стены спален священника.

— Конор О'Мэлли, скажи-ка, — начал монстр, что стоял позади, — а не хочешь ли ты что-нибудь нарушить?

— Я? — удивленно переспросил Конор.

— Уверяю, получишь большое удовольствие.

Монстр выступил вперед, присоединяясь ко второму монстру — самому себе, — и пнул гигантской ногой диванчик — совсем такой же, как у бабушки Конора. А потом обернулся и вопросительно посмотрел на мальчика.

— *Что бы мне теперь сломать?* — спросил он и подошел ко второму монстру, они слились воедино — от этого зрелища в глазах у Конора на секунду помутнело — и стали одним монстром, еще больше, чем раньше.

— *Жду твоего приказа, мальчик,* — сказал монстр.

Конор почувствовал, что ему снова трудно дышать. Сердце стучало с невероятной скоростью, и вновь стало казаться, что он попал в сумасшедший мир кошмара. Он выдержал довольно долгую паузу.

А потом сказал:

— Ломай камин.

Кулак монстра в ту же секунду рванулся вперед и разрушил каменный очаг до основания, а кирпичная труба с грохотом упала вниз.

Конору стало еще труднее дышать, словно он рушил дом своими руками.

— Выбрось постели! — велел он.

Монстр взял из двух уже лишенных крыш спален две кровати и швырнул их с такой силой, что они, казалось, долетели почти до самой линии горизонта, прежде чем рухнуть наземь.

— Круши мебель! — закричал Конор. — Круши все!

Монстр прошелся по дому тяжелыми, громкими шагами, ломая с треском и хрустом каждый предмет мебели, что попадался ему на пути.

— РАЗНЕСИВСЕЧТОВИДИШЬ! — проревел Конон, монстр ответил ему таким же ревом и ударил по оставшимся стенам — и они тут же обрушились. Конон ринулся ему на помощь: он поднял с земли палку и, просунувшись в окно, принялся крушить все, что монстр еще не успел уничтожить.

Он все продолжал реветь, да так громко, что и собственных мыслей не слышал; неистовство разрушения поглотило его, и он просто крушил, крушил и крушил, ни о чем не думая.

Монстр не солгал: это и в самом деле приносит удовольствие.

Конон кричал до хрипоты, ломал все вокруг до боли в руках, ревел до тех пор, пока чуть ли с ног не валился от усталости. Когда он наконец остановился, то обнаружил, что монстр тихо наблюдает за ним, стоя чуть поодаль от разрушенного дома. Тяжело дыша, Конон оперся на палку, чтобы не упасть.

— *Вот это настоящее разрушение,* — сказал монстр.

И вдруг они вновь оказались в бабушкиной гостиной. Конон увидел, что разгромил ее целиком и полностью.

Погром

Диванчик превратился в гору из бесчисленного множества маленьких кусков. Ножки были отломаны, обивка — изорвана в клочья, на полу под ногами валялись куски наполнителя и остатки настенных часов, которые упали и разлетелись на почти неузнаваемые фрагменты. Та же участь постигла лампу и два столика, стоявших по обеим сторонам от диванчика, а также книжную полку, расположенную у выходящего на улицу окна; все книги из нее были изорваны с первой до послед-

ней страницы. Не уцелели даже обои — их содрали, оставив на стене грязные, неровные полосы. Стоять остался лишь шкафчик, хотя его стеклянные дверцы тоже были разбиты, а все содержимое рассыпано по полу.

Конор пораженно смотрел на все это. Он взглянул на свои руки: исцарапанные, кровоточащие, с поломанными и неровными ногтями, они болели после учиненного погрома.

— О Господи... — прошептал он.

И обернулся к монстру.

Которого уже не было позади.

— Что ты *наделал?* — прокричал Конор в пустоту, неожиданно слишком уж тихую. После погрома на полу было так много мусора, что он едва мог ногой пошевелить.

Он просто *ну никак* не мог навести такой беспорядок в одиночку.

Никак.

(...в самом деле?)

— Господи... — повторил он. — Господи!

— *Погромы доставляют удовольствие,* — услышал он, но слова эти звучали откуда-то издалека, их словно приносил ветер, будто самого говорящего здесь не было.

А потом он услышал, как у дома притормозила бабушкина машина.

Бежать было некуда. Не оставалось времени даже на то, чтобы выйти через заднюю дверь и са-

мому тайно устремиться куда-нибудь, где бабушка его никогда не найдет.

А ведь даже отец не пустит его к себе, когда узнает, что он натворил, подумал Конор. Мальчику, который совершил такое, ни за что не позволят жить в одном доме с маленьким ребенком...

— О Господи... — вновь сказал Конор, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Бабушка сунула ключ в замок и открыла входную дверь.

Бабушка дошла до порога гостиной, нервно теребя свою сумочку, и за краткий миг до того, как она заметила Конора и окружающую его разруху, он увидел ее лицо, увидел, какое оно усталое, увидел, что на нем не читаются никакие вести — ни хорошие, ни плохие — а значит, прошедшая ночь, которую бабушка провела в больнице с мамой Конора, ничем не отличалась от других ночей, которые так изматывали их обеих.

А потом она подняла глаза.

— Что за?.. — начала она и осеклась, чтобы рефлексивно не чертыхнуться перед Конором. Она стояла как вкопанная, сумочка застыла в воздухе. Двигались только ее глаза — она оглядывала комнату и не могла поверить в то, что видела перед собой, она с трудом осознавала произошедшее. Не было слышно даже ее дыхания.

А потом она взглянула на Конора, раскрыв рот и широко распахнув глаза. И увидела, что он стоит посреди всего этого беспорядка и что руки его кровоточат после погрома.

Она закрыла рот, но лицо ее не приняло обычного сурового выражения. Рот подрагивал и трясся, казалось, бабушка изо всех сил сдерживает слезы, казалось, она едва может сохранять внешнее спокойствие.

А после она издала стон, не разжимая губ — он шел откуда-то из глубины, из ее грудной клетки.

Звук этот был невыносимым — Конор едва сдерживался от того, чтобы заткнуть уши руками.

Стон повторился еще. И еще. И еще, пока не стал единым непрерывным стенанием, единым бесконечным жутким воем. Сумочка упала на пол. Бабушка закрыла рот ладонями, словно только это могло заглушить изливающийся из нее жуткий, стонущий, воющий, *пронзительный* звуковой поток.

— Бабушка? — произнес Конор высоким и напряженным от страха голосом.

И тут она закричала.

Она отняла руки от лица, сжала кулаки, широко распахнула рот и закричала. Закричала так громко, что Конор все-таки *заткнул* уши руками. Она не смотрела на него, она вообще *ни на что* не смотрела и просто кричала в пространство.

Никогда еще Конору не было настолько страшно. Он словно оказался на краю света, словно на-

яву попал в свой ночной кошмар с криками и пустотой...

А потом бабушка шагнула в комнату.

Она пробиралась сквозь завалы мусора так, будто почти не замечала их. Конор быстро отпрянул с ее пути, спотыкаясь об остатки диванчика. Он поднял руку, чтобы защититься, каждое мгновение ожидая града ударов...

Но она направлялась не к нему.

Она проследовала мимо с перекошенным, залитым слезами лицом, из нее снова рвались стоны. Она подошла к шкафчику — единственному во всей комнате предмету мебели, который все еще стоял вертикально.

Положила руку на его боковую стенку...

И со всей силой толкнула один раз...

Второй...

И третий.

И шкафчик рухнул на пол с предсмертным треском.

Бабушка застонала в последний раз, наклонилась вперед и, прерывисто дыша, уперлась ладонями в колени.

Так ни разу и не взглянув на Конора, она выпрямилась, вышла из комнаты, оставив сумочку лежать на полу на том же самом месте, поднялась к себе в спальню и тихо закрыла дверь.

Невидимка

Конор стоял на школьном дворе и ждал.

Сегодня он видел Лили. В окружении девочек, которые, как он знал, ее недолюбливали и которых она сама не очень-то жаловала. Однако же она тихо стояла с ними в сторонке, пока они болтали. Конор поймал себя на том, что пытается привлечь ее внимание, но она не смотрела в его сторону.

Словно потеряла способность его видеть.

И вот он стоял и ждал один в глубине школьного двора, прислонившись к каменно-

му ограждению, в стороне от остальных детей, которые шумели, смеялись и смотрели в свои телефоны так, словно все в этом мире было безупречно, так, будто ничего во Вселенной им не грозит.

А потом он заметил Гарри, Салли и Энтона. Они шли к нему, пересекая двор наискосок, чтобы срезать путь; Гарри не сводил с него глаз, смотрел не насмешливо, но внимательно, а лица его дружков сияли от радостного предвкушения.

И вот они приблизились.

Конор с облегчением вспомнил о собственной слабости.

Тем утром он спал ровно столько, сколько нужно, чтобы увидеть кошмар, словно у него и без того было мало бед. Это был все тот же пугающий сон про падение с той же жуткой, невыносимо жуткой концовкой. Конор проснулся с криком. Впереди его ждал день, в котором явь, как казалось, была едва ли лучше ночного кошмара.

Когда он наконец набрался храбрости, чтобы спуститься вниз, он увидел, что на бабушкиной кухне хозяйничает отец — готовит завтрак.

Бабушки нигде не было видно.

— Яичницу будешь? — спросил отец, держа в руке сковородку, в которой поджаривались яйца.

Конор кивнул, хотя есть ему совсем не хотелось, и сел за стол на один из стульев. Отец закончил готовить и выложил яичницу на намазанные маслом тосты, которые сделал до этого, и поставил на стол две тарелки — одну для Конора, вторую — для себя. Они ели молча.

Тишина давила так сильно, что Конору вновь стало трудно дышать.

— Ну и бардак же ты тут устроил, — наконец произнес отец.

Конор продолжил есть, изо всех сил стараясь откусывать кусочки поменьше.

— Она позвонила мне утром. Очень, очень рано.

Конор откусил еще один микроскопический кусочек.

— Состояние твоей мамы изменилось, Кон, — сказал отец. Конор вскинул на него взгляд. — Бабушка поехала в больницу, чтобы пообщаться с врачами, — продолжил отец. — А я отвезу тебя в школу.

— *В школу?* — непонимающе переспросил Конор. — Я хочу поехать к маме!

Но отец уже отрицательно качал головой.

— Сейчас ребенку там не место. Я подброшу тебя до школы и поеду в больницу сам, но сразу после занятий заберу тебя и отвезу к маме. — Отец посмотрел в тарелку. — Или раньше, если... понадобится.

Конор положил нож и вилку. Есть ему расхотелось. Возможно даже навсегда.

— Ну же! — воскликнул отец. — Помнишь, я говорил, что от тебя потребуется мужество? Что ж, сынок, пришло время, когда придется его проявить. — Он кивнул в сторону гостиной. — Я вижу, что происходящее тебя расстраивает. — Он грустно улыбнулся, но улыбка быстро исчезла. — И бабушка твоя видит.

— Я не хотел, — сказал Конор, его сердце тяжело застучало. — Я не знаю, что произошло.

— Ничего страшного, — отозвался отец.

— *Ничего страшного?* — скривился Конор.

— Не переживай, — сказал отец, возвращаясь к завтраку. — И не такие беды случаются в житейском море.

— Что это значит?

— Это значит, что мы все будем делать вид, что никакого погрома не было, — твердо сказал отец. — Потому что сейчас происходят куда более важные события.

— Это ты о маме?

— Доедай завтрак, — со вздохом велел отец.

— И вы даже не накажете меня?

— А какой смысл, Кон? — спросил отец, отрицательно качая головой. — Какой в этом смысл?

На уроках Конор не слышал ни слова, но учителя не ругали его за невнимательность и не задавали ему никаких вопросов, когда опрашивали

класс. Миссис Марл даже не поинтересовалась, где его автобиография, которую нужно было сдать к сегодняшнему дню. Конор не написал ни одного предложения.

Не то чтобы это имело значение.

Одноклассники тоже держались от Конора подальше, будто бы от него исходила вонь. Он попытался вспомнить, заговаривал ли он с кем-нибудь из них с того момента, как приехал в школу. Вроде бы нет. Значит, после утреннего разговора с отцом он *ни с кем* и словом не обмолвился.

Как такое могло произойти?

Но вот, наконец, перед ним возник Гарри. Хоть что-то не менялось.

— Конор О’Мэлли, — произнес Гарри, остановившись на некотором расстоянии от Конора. Салли и Энтон хихикали, держась за его спиной.

Конор встал прямо, оторвавшись от стены, и опустил руки вдоль тела, готовясь к удару, который мог обрушиться на него в любую секунду.

Но не обрушился.

Гарри просто стоял на месте. Как и Салли с Энтонем, с лиц которых медленно исчезали улыбки.

— Чего ты ждешь? — спросил Конор.

— И правда, чего ты ждешь? — спросил Салли у Гарри.

— Врежь ему, — сказал Энтон.

Гарри стоял неподвижно и неотрывно смотрел прямо на Конора. Конору оставалось только не

отводить своего взгляда — и через какое-то время стало казаться, что в мире существуют только он и Гарри. Его ладони вспотели. Сердце бешено колотилось.

Давай же, подумал он, а потом понял, что произнес это вслух.

— Давай же!

— Давать что? — спокойно переспросил Гарри. — Каких-таких даров ты у меня просишь, Конор О'Мэлли?

— Он хочет, чтобы ты его по земле размазал, — сказал Салли.

— Он хочет, чтобы ты надрал ему задницу, — сказал Энтон.

— Неужели? — с искренним любопытством поинтересовался Гарри. — Этого ты у меня и просишь?

Конор промолчал, он просто остался стоять, где стоял, сжав кулаки.

Он ждал.

А потом громко зазвонил звонок, и мисс Кван пошла через школьный двор, переговариваясь с другим учителем, но внимательно наблюдая за учениками вокруг нее, в особенности за Конором и Гарри.

— Кажется, нам так и не суждено узнать, чего же хочет О'Мэлли, — сказал Гарри.

Энтон и Салли засмеялись, но было заметно, что шутку они не поняли, и вся троица отправилась в школу.

Но пока они уходили, Гарри все продолжал смотреть на Конора, ни на секунду не сводя с него глаз.

Пока они уходили, оставляя Конора в одиночестве.

Словно для всего остального мира он стал невидимкой.

Тисовые деревья

— Здравствуй, милый, — поприветствовала вошедшего в палату Конора мама, чуть приподнявшись на постели.

Он видел, какого труда ей это стоило.

— Я буду за дверью, — сказала бабушка, встала со своего места и прошла мимо внука, даже не взглянув на него.

— Эй, малой, я пойду к продуктовому автомату, куплю чего-нибудь... У тебя есть какие-нибудь

пожелания? — спросил отец, заглянув в дверной проем.

— Да, хочу, чтобы ты перестал называть меня *малым*, — ответил Конор, не сводя глаз с мамы.

А она смеялась.

— Я скоро, — сказал отец и оставил их с мамой наедине.

— Иди сюда, — сказала она, похлопав по краю кровати рядом с собой. Он подошел к ней и присел рядом, очень осторожно, чтобы не задеть трубки — одна крепилась к руке, через вторую в нос поступал кислород, а третью, как он знал, иногда фиксировали у мамы на грудной клетке — через нее во время сеансов терапии в маму закачивали ярко-оранжевые лекарства.

— Ну, как дела у моего Конора? — спросила она, вытянув тонкую руку, чтобы расчесать пальцами его волосы. Он разглядел на ней желтоватый кружок вокруг того места, куда вводился катетер, и маленькие фиолетовые синяки на внутренней стороне локтя.

Но она улыбалась. Улыбалась устало, измотанно, но все же улыбалась.

— Знаю, смотреть на меня — страх один, — сказала она.

— Вовсе нет, — не согласился Конор.

Она снова расчесала пальцами его волосы.

— Думаю, ложь во благо можно и простить.

— У тебя все хорошо? — спросил Конор, и хотя в определенном смысле его вопрос был абсо-

лютно смехотворным, она поняла, что он имеет в виду.

— Видишь ли, сынок... — начала она. — Парочка средств против моей болезни подействовала не так, как хотели врачи. И эта врачебная неудача обнаружилась раньше, чем ожидалось. Если только тебе это о чем-нибудь говорит.

Конор покачал головой.

— И мне тоже ни о чем, совершенно, — призналась мама. Он заметил, что ее улыбка стала натянутой и что мама сохраняет ее с трудом. Она глубоко и прерывисто вдохнула, будто сдерживая рыдания.

— Я надеялась, что болезнь будет развиваться медленнее, чем сейчас, милый, — сказала она слабым голосом, таким слабым, что желудок Конора сжался еще сильнее. Он неожиданно для себя порадовался, что после завтрака больше ничего не ел.

— *Но* есть еще один способ, который врачи собираются опробовать... Они хотят дать мне лекарство, действие которого приводит к хорошим результатам, — сказала мама все тем же ослабевшим голосом, но вновь улыбаясь.

— А почему они раньше его тебе не давали? — спросил Конор.

— Помнишь, как мой организм реагировал на препараты, которыми меня лечили до этого? — спросила мама. — Как у меня выпадали волосы, как меня тошнило?

— Конечно.

— Так вот, это лекарство они дают в случаях, когда остальные действуют не так, как нужно, — рассказала она. — Возможность перейти на него была всегда, но они надеялись, что этого вовсе не придется делать. — Она опустила глаза. — А еще надеялись, что не придется переходить на него настолько быстро.

— Это значит, что уже слишком поздно? — спросил Конор. Слова сорвались с его губ до того, как он понял, что говорит.

— Нет, Конор, — быстро ответила мама. — Не надо так думать. Не поздно. Никогда не поздно.

— Ты правда так считаешь?

Она снова улыбнулась.

— Я верю в каждое слово, которое произношу, — ответила она слегка окрепшим голосом.

Конор припомнил слова монстра. *Вера — это половина выздоровления.*

Ему по-прежнему казалось, что он не может вздохнуть, но напряжение начало потихоньку спадать, спазм в желудке стал проходить. Мама, заметив, что он слегка расслабился, взяла его ладони и начала их растирать.

— Есть и по-настоящему интересные новости, — сказала она куда более оживленным голосом. — Помнишь то дерево, что растет на холме за нашим домом?

Конор широко распахнул глаза.

— Так вот, представляешь, — продолжила мама, не обращая внимания на его реакцию, — то лекарство *делают* из тисовых деревьев.

— Из тисовых деревьев? — тихо переспросил Конор.

— Ага! — ответила мама. — Я читала про это когда-то давно, еще в самом начале болезни. — Она кашлянула в ладонь, потом еще — несколько раз подряд. — Я надеялась, что до такого не дойдет, но вот ведь как удивительно: меня могло вылечить дерево, которое все это время росло напротив нашего дома.

Мысли в голове Конора неслись настолько стремительным потоком, что он почувствовал, что голова вот-вот закружится.

— Какое чудо эти зеленые создания, правда? — продолжила мама. — Мы так стараемся избавиться от них, а ведь порой, кроме них, нас ничто не может спасти.

— А *тебя* они спасут? — спросил Конор. Ему едва хватило сил произнести эти слова.

Мама вновь улыбнулась.

— Я на это надеюсь, — сказала она. — Я в это верю.

Возможно ли?

Конор вышел в больничный коридор. Мысли лихорадочно носились в голове. Лекарство из тисовых листьев. Лекарство, которое и впрямь излечивало от болезней. Ведь именно его Знахарь и отказался готовить для священника. Хотя, сказать по правде, Конор по-прежнему не до конца понимал, для чего нужно было громить дом этого божьего служителя.

Развѣ что...

Разве что монстр *являлся* ему не просто так. Разве что он приходил именно для того, чтобы вылечить маму.

Мальчик едва находил в себе смелость поверить в это. Едва находил в себе смелость *думать* так.

Нет.

Нет, конечно, нет. «Это невозможно, не будь дураком, — говорил он себе. — Монстр — это сон. Сон — и ничего больше».

Но листья. И ягоды. И ростки, пробивающиеся сквозь пол. И погром в бабушкиной гостиной.

Внезапно Конор ощутил легкость, его словно *подняло* в воздух.

Возможно ли это? В самом деле, возможно ли?

Он услышал голоса и всмотрелся в глубь коридора. Там ссорились папа с бабушкой.

Их слов он не слышал, но видел, что бабушка довольно яростно тычет пальцем папе в грудь.

— Что я, по-вашему, должен *сделать*? — спросил отец настолько громко, что люди, проходящие по коридору, начали на него коситься. Ответа Конор не уловил. Бабушка решительно прошла мимо него и скрылась в маминой палате.

Вскоре подошел папа, вид у него был поникший.

— Что происходит? — спросил Конор.

— Да так, твоя бабушка на меня сердится, — ответил папа, на миг улыбнувшись. — Впрочем, как и всегда.

— Почему?

Отец поморщился.

— У меня плохие новости, Конор, — произнес он. — Сегодня мне нужно лететь обратно, в Америку.

— Сегодня? — переспросил мальчик. — *Почему?*

— Дочка заболела.

— Ох. Что с ней?

— Вероятно, ничего серьезного, но Стефани не на шутку разволновалась и отправила ее в больницу, и теперь хочет, чтобы я немедленно возвратился домой.

— И ты улетаешь?

— Улетаю, но вернусь, — пообещал отец. — Через одно воскресенье — и двух недель не пройдет. На работе мне дали дополнительные отгулы, чтобы я мог снова прилететь сюда и увидеться с вами.

— Две недели... — произнес Конор почти беззвучно. — Впрочем, ничего страшного. Мама сейчас принимает новое лекарство, от него ей станет лучше. Так что, когда ты вернешься...

Он осекся, увидев отцовское выражение лица.

— А не прогуляться ли нам, сынок? — предложил тот.

Напротив больницы был разбит небольшой парк с аккуратными дорожками, проложенными

между деревьев. По пути к свободной скамейке Конору с отцом то и дело попадались пациенты в больничной одежде — кто-то из них прогуливался с родственниками, кто-то тайком курил. Из-за них парк казался больничной палатой под открытым небом. Или же местом отдыха призраков.

— Так ты поговорить хочешь, да? — спросил Конор, когда они присели. — Вечно все откладывают *разговоры* на потом.

— Конор, — начал отец, — то новое лекарство, которое теперь дают твоей маме...

— Вылечит ее, — твердо сказал мальчик.

Отец замолчал на мгновение.

— Нет, Конор, — произнес он. — Скорее всего, нет.

— Вылечит, — настойчиво повторил Конор.

— Утопающий за соломинку хватается, сынок. К сожалению, болезнь прогрессирует слишком быстро.

— Лекарство ей поможет. Поможет, я уверен.

— Конор, — сказал отец. — Твоя бабушка рассердилась на меня еще и потому, что, как ей кажется, мы с твоей мамой многого тебе не договариваем. Скрываем, что происходит на самом деле.

— А бабушка что об этом знает?

Отец положил руку сыну на плечо.

— Конор, твоя мама...

— Непременно поправится, — закончил Конор, сбрасывая с себя ладонь отца и поднимаясь

со скамейки. — Новое лекарство — это секрет. Это причина всему, говорю тебе. Я знаю.

Отец, судя по виду, не понимал, о чем речь.

— Какая еще причина?

— И вот, ты возвращаешься в Америку, — продолжил Конор. — Возвращаешься к своей другой семье, а у нас тут без тебя все наладится. Потому что лекарство поможет...

— Нет же, Конор...

— Да, поможет. Поможет.

— Сынок, — произнес отец, наклонившись вперед. — Не все истории заканчиваются хорошо.

Конор призадумался. А ведь действительно так, разве нет? Уж чему-чему, а этому монстр его научил, определенно. Истории — это дикие, неприрученные звери, и они разбредаются в направлениях, которые заранее не предсказать.

Отец покачал головой:

— Как же много на тебя свалилось... Слишком, слишком много, знаю. Это нечестно и жестоко, все должно быть совершенно иначе.

Конор молчал.

— Я вернусь через одно воскресенье, — сказал отец. — Не забывай об этом, хорошо?

Конор взглянул на солнце, сощурившись. Октябрь и впрямь выдался удивительно теплым, словно лето все еще боролось за свои права.

— Ты надолго вернешься? — наконец спросил мальчик.

— Я пробуду с вами столько, сколько смогу.

— А потом опять улетишь.
— Придется. Потому что у меня есть..
— Другая семья; там, в Америке, — закончил за него Конор.

Отец снова потянулся к нему рукой, но мальчик быстрым шагом направился к больнице.

Нет же, лекарство *поможет*, непременно *поможет*, лекарство — та самая причина, по которой монстр является ему. Причина *должна* быть в этом. Если монстр приходит наяву, то вот чем *должны* объясняться все его появления.

Заходя в больницу, Конор обратил внимание на циферблат на фасаде.

До двенадцати ноль семь оставалось еще восемь часов.

Без истории

— Ты можешь ее вылечить? — спросил Конор.

— *Тис — дерево-целитель*, — ответил монстр. — *Именно это обличье я чаще всего принимаю.*

Конор нахмурился:

— Это не ответ.

Монстр лишь зловеще оскалился, как в их первую встречу.

Когда мама заснула после ужина, к которому так и не притронулась, бабушка Конора вновь от-

везла его к себе домой. Она по-прежнему не заговаривала с ним о погроме в гостиной. Она вообще с ним почти не говорила.

— Я еду обратно в больницу, — сообщила она, когда Конор вышел из машины. — Приготовь себе чего-нибудь поесть. Уж это-то ты умеешь, я знаю.

— Как вы думаете, папа уже в аэропорту? — спросил Конор.

В ответ бабушка нетерпеливо вздохнула. Конор закрыл за собой дверь машины, и бабушка уехала. С того момента, как он вошел в дом, стрелки дешевых кухонных часов на батарейках — теперь единственных в доме часов — успели медленно поползти до полуночи — а бабушка так и не вернулась. И не позвонила. Он подумывал было сам ей набрать, но она уже как-то раз кричала на него за то, что его звонок разбудил маму.

Ладно, ничего страшного. На самом деле, так даже проще. Ему не придется притворяться, что он лег спать. Он подождал, пока часы покажут семь минут первого. Потом вышел из дома и спросил:

— Где ты?

— *Я здесь*, — сказал монстр и одним прыжком перемахнул через бабушкин офис.

— Ты можешь ее *вылечить*? — еще раз спросил Конор, но уже тверже.

Монстр посмотрел на него сверху вниз.

— *Это не от меня зависит*.

— Почему? — спросил Конор. — Ты ломаешь дома и спасаешь злых ведьм. Ты говоришь, что каждая твоя частичка могла бы исцелять людей, если бы только они к тебе обратились.

— *Если твою маму можно вылечить*, — сказал монстр, — *то тисовое дерево ее вылечит*.

Конор скрестил руки на груди.

— Это надо понимать как «да»?

И тут монстр сделал то, чего никогда прежде не делал.

Он сел.

Всем своим гигантским весом он надавил на бабушкин офис. Конор услышал, как застонала деревянная конструкция, и увидел, как прогнулась крыша. Ему вдруг стало очень страшно. Если монстр разрушит и офис, невозможно предсказать, что сделает бабушка. Может, даже отправит своего внука в тюрьму. Или — того хуже — в интернат.

— *Ты все еще не понимаешь, для чего позвал меня, да?* — спросил монстр. — *Все еще не понимаешь, зачем я к тебе прихожу. А ведь я не являюсь кому попало, Конор О'Мэлли.*

— Я тебя не звал, — ответил Конор. — Разве что во сне. Да даже если и звал — понятно же, что только ради мамы.

— *Правда?*

— Ну а какие еще могут быть причины? — спросил Конор раздраженным тоном. — Не для того же, чтобы слушать жуткие истории, в которых нет никакого смысла.

— Ты что же, забываешь про бабушкину гостиную?

Конор не смог сдержать легкую улыбку.

— Так я и думал, — произнес монстр.

— Я же серьезно, — сказал Конор.

— Я тоже. Но мы еще не готовы к третьей и последней истории. Скоро мы до нее дойдем. А потом ты расскажешь мне свою историю, Конор О'Мэлли. — Монстр наклонился вперед. — И тебе известно какую.

Внезапно туман охватил их вновь, и бабушкин сад исчез. Мир стал серым и пустым, и Конор точно знал, где он находится, точно знал, в какой мир он сейчас попадет.

Он был внутри своего кошмара.

...

Вот что он чувствовал, вот что он *видел*: мир рассыпается, Конор держит ее за руки, чувствуя, что они выскальзывают, чувствуя, что она *падает*...

— Нет! — закричал он. — Нет! Только не это!

Туман отступил, и он вновь оказался в бабушкином саду, монстр по-прежнему сидел на крыше офиса.

— Никакая это не правда, — сказал Конор дрожащим голосом. — Это просто ночной кошмар.

— Однако же, — сказал монстр, поднимаясь, отчего стропила крыши офиса будто бы вздохнули с облегчением, — *именно это и произойдет после третьей истории.*

— Замечательно, — сказал Конор. — Очередная история, а в это время вокруг происходят события гораздо важнее.

— *Истории важны*, — сказал монстр. — *Они могут оказаться важнее всего остального. Если несут в себе правду.*

— Как автобиографии, — мрачно и почти неслышно произнес Конор.

Монстр, судя по всему, удивился.

— *Именно так*, — кивнул он. Он собрался было уходить, но обернулся и посмотрел на мальчика. — *Жди меня в скором времени.*

— Я хочу знать, что будет с моей мамой, — сказал Конор.

На секунду повисла пауза.

— *А ты разве еще не знаешь?*

— Ты говорил, что ты — дерево-целитель, — проговорил Конор. — Вот мне и нужно, чтобы ты ее *исцелил!*

— *Постараюсь*, — сказал монстр.

Подул шквалистый ветер — и монстр исчез.

Больше я тебя не вижу

— Я тоже хочу поехать в больницу, — сказал Конор бабушке в машине на следующее утро. — Я не хочу сегодня ехать в школу.

Бабушка просто молча вела авто. Не исключено, что она вообще не собиралась с ним больше разговаривать.

— Как она вчера себя чувствовала? — спросил Конор. После ухода монстра он прождал еще долго, но уснул все-таки раньше, чем вернулась бабушка.

— Да так же, — сухо бросила она, неотрывно глядя на дорогу.

— Новое лекарство помогает?

Она долго не отвечала, и Конор уж было подумал, что она вообще не ответит, и собирался повторить свой вопрос, как она произнесла:

— Еще рано судить.

Пока Конор молчал, они успели проехать несколько улиц. Потом он спросил:

— Когда она вернется домой?

На этот вопрос бабушка так и не ответила, хотя до школы оставалось ехать еще целых полчаса.

Попытки сохранить внимательность на уроках провалились. Но это, опять же, ничего не меняло — никто из учителей все равно ни о чем Конора не спрашивал. И никто из одноклассников. Пришло время обеденного перерыва — а значит, закончилось очередное утро, в которое он не обмолвился ни с кем ни единым словом.

Он сидел в дальнем углу столовой в полном одиночестве, перед ним стоял нетронутый обед. В помещении было невероятно шумно — оно наполнилось громкими звуками: это кричали, галдели, ссорились и смеялись одноклассники. Конор изо всех сил не обращал на все это внимания.

Монстр вылечит ее. Конечно, вылечит. Зачем *еще* ему являться? Никаких других объяснений не было. Монстр приходил к нему в обличье дерева-целителя, того самого дерева, из которого готовят

мамино лекарство — так какие еще могут быть причины?

Пожалуйста, подумал Конор, уставившись на по-прежнему полный обеденный поднос. *Пожалуйста*.

Кто-то подошел с другой стороны стола и с силой ударил по подносу обеими руками — и апельсиновый сок выплеснулся прямо Конору на колени.

Конор вскочил — но поздно. Сок залил колени, стал течь по ногам вниз.

— О'Мэлли обмочился! — уже кричал Салли, а Энтон покатывался со смеху у него за спиной.

— Вот! — воскликнул Энтон, смахивая на Конора лужицу со стола. — Тут еще осталось!

Гарри стоял между Энтоном и Салли, как обычно, скрестив руки и пристально глядя на Конора.

В ответ Конор тоже неотрывно смотрел на него.

Они оба не двигались так долго, что Салли и Энтон попритихли. На этом соревновании по гляделкам им стало неудобно, и они гадали, что Гарри будет делать дальше.

Гадал и Конор.

— Думаю, я тебя раскрыл, О'Мэлли, — наконец сказал Гарри. — Думаю, я понял, чего ты хочешь.

— И сейчас твое желание сбудется, — сказал Салли. Они с Энтоном захихикали и хлопнули друг друга по рукам.

Боковым зрением Конор не видел ни одного учителя — выходит, Гарри улучил момент, когда можно подойти к Конору незаметно.

Конор был совсем один.

Гарри сделал шаг вперед, он по-прежнему сохранял спокойствие.

— Вот самый сильный удар на свете, О'Мэлли, — сказал Гарри. — Вот самое худшее, что я могу с тобой сделать.

И он протянул руку — будто бы приглашая пожать ее.

Он действительно *приглашал* пожать ее.

Конор среагировал почти на автомате: тоже вытянул свою руку и пожал ладонь Гарри раньше, чем успел осознать, что делает. Они пожимали друг другу руки, как два бизнесмена после деловой встречи.

— Прощай, О'Мэлли, — сказал Гарри, глядя Конору в глаза. — Больше я тебя не вижу.

Затем он отпустил руку Конора, отвернулся и ушел. Энтон и Салли, судя по их виду, смутились еще больше, но через мгновение отправились за ним.

Никто из них не оглянулся на Конора.

На стене столовой висели большие электронные часы, купленные примерно в семидесятых, — тогда они считались последним технологическим достижением, и их до сих пор не заменили на новые, хотя они были старше мамы Конора. Конор смотрел, как Гарри уходит, уходит и не оглядыва-

ется, уходит — *и все*, проходит мимо электронных часов.

Обед начался в 11:55 и должен был закончиться в 12:25.

На часах 12:06.

Слова Гарри эхом отдавались в голове Конора.

«Больше я тебя не вижу».

Гарри все уходил, не нарушая своего обещания.

«Больше я тебя не вижу».

Теперь часы показывали 12:07.

— *Пришло время третьей истории*, — сказал монстр за его спиной.

Третья история

— Жил когда-то человек-невидимка, — начал монстр, а Конор все не сводил глаз с Гарри, — который устал от того, что его никто не видит.

Конор пошел.

Пошел за Гарри.

— Он был не то чтобы совсем невидимый, — сказал монстр, следуя за Конором. Казалось, пространство вокруг них вдруг принялось стремительно сужаться. — Просто люди привыкли его не замечать.

— Эй! — крикнул Конор. Гарри не обернулся. Салли и Энтон тоже, хотя они все посмеивались, пока Конор нагонял их.

— *А если тебя никто не видит,* — сказал монстр, тоже увеличивая скорость, — *то существуешь ты на самом деле или нет?*

— Эй! — громко крикнул Конор.

В столовой повисла тишина; Конор и монстр все быстрее нагоняли Гарри.

А он так и не обернулся.

Конор вытянул руку, схватил Гарри за плечо, пытаясь развернуть его к себе. Гарри сделал вид, что не понял, что произошло, и строго посмотрел на Салли, словно это сделал он.

— Тебе заняться нечем, что ли? — буркнул Гарри и снова отвернулся.

Отвернулся от Конора.

— *И вот однажды,* — продолжил монстр, слова которого звенели в ушах у Конора, — *человек-невидимка решил: я заставлю их меня увидеть.*

— Как? — спросил Конор. Ему снова стало тяжело дышать, он не оборачивался к говорящему, не замечал, как реагируют на огромного монстра другие люди, находящиеся в столовой, он обратил внимание лишь на нервное бормотание и на странное ожидание, повисшее в воздухе. — Как поступил человек-невидимка?

Конор чувствовал, что монстр рядом, чувствовал, что он опустился на колени и приблизился к его уху, чтобы шепотом закончить историю.

— *Он позвал монстра*, — сказал он и потянулся своей страшной, гигантской рукой мимо Конора и ударил Гарри так сильно, что тот отлетел в сторону и упал.

Падение мальчика сопровождали звон подносов и крики. Энтон и Салли в ужасе взглянули сначала на Гарри, затем снова на Конора.

Когда они увидели его, они изменились в лицах. Конор сделал еще один шаг к ним, чувствуя, что позади него возвышается монстр.

Энтон и Салли отвернулись и побежали.

— Чего ты добиваешься, О'Мэлли? — спросил Гарри, с трудом поднимаясь с пола. Он держался за подбородок, ушибленный при падении. Потом он отнял руку от лица, и несколько человек закричали, увидев кровь.

Конор все шел вперед, и все вокруг разбегались куда подальше. Монстр следовал за ним — шаг в шаг.

— Не видишь меня?! — прокричал Конор, подходя все ближе. — *Не видишь?*

— Нет, О'Мэлли! — тоже крикнул ему в ответ Гарри, когда поднялся. — Не вижу. И никто здесь не видит.

Конор остановился и медленно огляделся. Взгляды всех присутствующих в комнате были прикованы к ним — все ждали, что произойдет.

Но под взглядом Конора все изменилось. Люди прятали глаза, словно смотреть прямо на Конора было неловко или больно. Только Лили дольше секунды не отводила взгляд, на ее лице читались тревога и боль.

— Думаешь, меня можно напугать такими фокусами, О'Мэлли? — спросил Гарри, стирая кровь с подбородка. — Думаешь, я когда-нибудь буду тебя бояться?

Конор ничего не ответил, он лишь продолжил идти вперед.

Гарри сделал шаг назад.

— Конор О'Мэлли, — язвительно проговорил он. — Которого все жалеют из-за его мамы. Который слоняется по школе, делая вид, что он такой особенный, что никто не понимает, как он *страдает*.

Конор не останавливался. Он уже почти дошел.

— Конор О'Мэлли, который хочет, чтобы его наказали, — произнес Гарри, продолжая отступать, но не сводя с Конора глаз. — Конор О'Мэлли, который *нуждается* в том, чтобы его наказали. А почему, Конор О'Мэлли? Какие такие ужасные секреты ты от нас скрываешь?

— А ну *заткнись*, — процедил Конор.

И услышал, как монстр вместе с ним произнес то же самое.

Гарри отступил еще на шаг, пока не уперся в подоконник. Вся школа будто задержала дыхание,

ожидая, что же сделает Конор. Он слышал с улицы крик учителя — или даже двух, — там наконец-то заметили, что творится что-то неладное.

— А знаешь ли ты, что я вижу, когда смотрю на тебя, О'Мэлли? — спросил Гарри.

Ладони Конора сжались в кулаки.

Гарри наклонился вперед, глаза его сверкали.

— Я вижу *пустое место*, — сказал он.

Не оборачиваясь, Конор задал монстру вопрос.

— Как именно ты помог невидимому человеку?

И на этот раз голос монстра словно раздался у него в голове:

— *Я заставил окружающих его увидеть*, — сказал он.

Конор сжал кулаки еще крепче.

И монстр рванулся вперед, чтобы заставить Гарри увидеть Конора.

Наказание

— Даже не знаю, что сказать, — директриса раздраженно хмыкнула и покачала головой. — Что же тебе сказать, Конор?

Конор не сводил глаз с ковра винного цвета. Мисс Кван тоже была здесь, она сидела позади него — будто он мог попытаться сбежать. Он скорее почувствовал, чем увидел, как директриса склоняется к нему. Она была старше, чем мисс Кван. И почему-то вдвое страшнее.

— Из-за тебя он попал в *больницу*, Конор, — сказала она. — Ты сломал ему руку и нос, и, полагаю, зубы у него уже никогда не будут такими красивыми и ровными, как раньше. Его родители угрожают подать в суд на школу и добиться твоего наказания.

Тут Конор поднял глаза.

— У них случилась небольшая истерика, Конор, — произнесла мисс Кван за его спиной. — И я их не виню. Но я объяснила им ситуацию. Сказала, что Гарри тебя постоянно задирает и что твои обстоятельства, они... особые.

От этого слова Конор поморщился.

— И именно тот факт, что он тебя задирает, родителей и отпугнул, — с насмешкой продолжила мисс Кван. — И в самом деле, в какие хорошие университеты охотно принимают хулиганов?

— *Дело не в этом!* — воскликнула директриса так громко, что Конор и мисс Кван подскочили. — Я даже понять не могу, что на самом деле произошло. — Она посмотрела на какие-то бумаги на своем столе — Конор решил, что это показания других учеников и учителей. — В толк не возьму, как один мальчик смог в одиночку устроить такой большой скандал.

Конор *ощущал* все, что монстр творил с Гарри, *ощущал* собственными руками. Когда монстр схватил Гарри за рубашку, Конор почувствовал ткань в собственных пальцах. Когда монстр уда-

рил его, Конор ощутил, что саднят его собственные кулаки. Когда монстр стал заламывать руки Гарри за спину, Конор почувствовал, как мышцы мальчика сопротивляются.

Сопротивляются, но не побеждают.

Потому что... как может ребенок одолеть монстра?

Он помнил крики и переполох. Помнил, как все дети побежали за учителями. Помнил, как людской круг, в центре которого он находился, становился все больше и больше по мере того, как монстр рассказывал обо всем, что сделал для человека-невидимки.

— *Долой невидимость*, — приговаривал монстр, избивая Гарри. — *Долой!*

Наступил момент, когда Гарри оставил попытки отбиться — удары монстра стали слишком сильными, их стало слишком много, он наносил их слишком быстро — и Гарри принялся умолять о пощаде.

— *Долой невидимость!* — повторил монстр, наконец оставляя Гарри в покое, его огромные кулаки из сплетенных веток крепко сжались со звуком, напоминающим раскат грома.

Он повернулся к Конору.

— *Невидимость — не самое худшее, что бывает в жизни*, — сказал он.

И исчез, оставив Конора стоять в одиночестве над дрожащим, обливающимся кровью Гарри.

Теперь все, кто находился в столовой, смотрели на Конора. Каждый видел его, каждый не

сводил с него глаз. На мгновение воцарилась тишина — стало, пожалуй, даже слишком тихо, учитывая, сколько детей было в столовой, — но потом ее нарушили учителя. Где они раньше были? Это монстр сделал так, что они так долго ничего не замечали? Или просто времени прошло совсем не много? Ветер рвался в открытое окно, этот самый ветер бросил на пол несколько узких листьев, похожих на иголки.

Чьи-то взрослые руки схватили Конора и куда-то потащили.

— Что скажешь в свое оправдание? — спросила директриса.

Конор пожал плечами.

— Этого мало, — сказала она. — Ты сильно его покалечил.

— Это не я, — неразборчиво пробормотал Кононор.

— Что ты там говоришь? — строго переспросила она.

— Это не я, — произнес Кононор более отчетливо. — Это все монстр.

— Монстр, — повторила за ним директриса.

— Я Гарри и пальцем не тронул.

Директриса сложила пальцы треугольником и уперлась локтями в стол. Она взглянула на мисс Кван.

— Вся столовая видела, как ты избивал Гарри, Кононор, — сказала мисс Кван. — Как ты свалил его

с ног. Как перекинул его через стол. Как бил его головой об пол. — Мисс Кван наклонилась вперед. — Все слышали, как ты кричал: «Долой невидимость!», как требовал, чтобы тебя замечали.

Конор медленно согнул руки в локтях. Они снова побаливали. Совсем как после разгрома бабушкиной гостиной.

— Ты злишься, понимаю, — сказала мисс Кван, ее голос стал чуть мягче. — Увы, мы так и не смогли связаться ни с кем из твоих родителей или других родственников.

— Папа улетел обратно в Америку, — сказал Конор. — А бабушка теперь ставит телефон на беззвучный режим, чтобы не разбудить маму. — Конор поскреб тыльную сторону ладони. — Хотя бабушка вам, наверное, перезвонит.

Директриса тяжело опустилась на стул.

— По уставу школы за такой проступок ученика следует немедленно исключить, — сказала она.

Конор ощутил, как сжался его желудок, как все тело ослабло под тяжестью груза весом в тонну.

Но после он понял, что тело ослабло потому, что груз *забрали*.

Его переполняли осознание и *облегчение* — чувство это было таким сильным, что он чуть не заплакал прямо здесь, в кабинете директрисы.

Его собираются наказать. Это наконец-то случится. Все наконец обретет смысл. Его хотят исключить.

Наказание вот-вот достигнет его.

Слава богу. Слава *богу*...

— Но разве я могу так с тобой поступить? — спросила директриса.

Конор похолодел.

— Как я могу исключить тебя и все еще зваться учителем? — спросила она. — Принимая во внимание все, через что тебе пришлось пройти... — Директриса нахмурилась. — Все, что мы знаем о Гарри... — Она слегка покачала головой. — Придет время — и мы еще поговорим обо всем этом, Конор О'Мэлли. *Поговорим*, поверь мне. — Она начала собирать бумаги со стола. — Но не сегодня. — Директриса бросила на него последний взгляд: — У тебя сейчас есть заботы поважнее.

Конор не сразу понял, что все закончилось. Что вот он, финал. Вот все, что его ждет.

— Вы меня не накажете? — спросил он.

Директриса улыбнулась — мрачновато, но почти по-доброму, — а потом произнесла слова, похожие на те, что когда-то сказал Конору отец:

— Ради чего мне тебя наказывать?

Мисс Кван повела его на уроки. Двое учеников, которых они встретили в коридоре, увидев Конора, прижались к стене, освобождая ему путь.

Когда он появился на пороге класса, все стихли, и никто — включая учителя — не проронил ни слова, пока он шел к своей парте. У Лили, сидевшей через проход от него, был такой вид, будто она собиралась что-то сказать. Но так и не сказала.

До конца дня с ним не заговорил никто.

«Невидимость — не самое худшее, что бывает в жизни», — сказал монстр и был прав.

Конор перестал быть невидимым. Теперь его замечали все.

Но он лишь сильнее отделился от людей.

Записка

Прошло несколько дней. А потом еще несколько. Было сложно вести им счет. Все эти дни для Конора слились в один, серый и нескончаемый. Каждое утро он просыпался, и бабушка не заговаривала с ним ни о чем, даже о телефонном звонке директрисы. Он шел в школу, где с ним тоже никто не общался. Он навещал маму в больнице, но она тоже была слишком усталой, чтобы с ним говорить. Звонил отец — и тому было нечего сказать.

Монстр тоже никак не напоминал о себе со дня избиения Гарри, хотя время, когда Конор должен был рассказать свою историю, уже пришло. Каждую ночь Конор ждал. Но монстра все не было. Может быть, он понимал, что не знает Конор никакой истории. Или же что *знает*, но откажется рассказывать.

В конце концов Конор засыпал и ему вновь снился кошмар. Этот страшный сон приходил к нему каждый раз, когда он засыпал, и каждый раз был хуже, чем предыдущий, — если такое вообще возможно. Он с криками просыпался по три-четыре раза за ночь, и однажды крики эти были настолько громкими, что бабушка даже постучала в дверь, чтобы узнать, все ли у него хорошо.

Но в комнату заходить не стала.

Выходные наступали и проходили в больнице. Мамино новое лекарство должно было помочь с течением времени, а пока она приболела — ей в легкие попала какая-то инфекция. Усилились и ее боли, и потому большую часть времени она либо спала, либо под действием болеутоляющих не соображала, что происходит. В такие моменты бабушка обычно выгоняла Конора из палаты, и он так привык слоняться по больнице, что однажды самостоятельно проводил пожилую женщину до рентгеновского отделения.

На выходных пришли Лили с мамой, но Конор умышленно провел все это время за разглядыва-

нием журналов в магазинчике со всякой всячиной, находящемся на территории больницы.

А потом он каким-то образом вновь оказался в школе. Время непостижимым образом продолжало идти для всего остального мира.

Для всего остального мира, который ничего не ждал.

Миссис Марл возвращала проверенные автобиографии, которые когда-то задавала составить. Описания жизни тех, у кого эта жизнь вообще имелась. Конор просто сидел за своей партой, подперев рукой щеку, и глядел на часы. До семи минут первого оставалось еще два с половиной часа. Впрочем, какая разница. Он начинал думать, что монстр покинул его навсегда.

Еще одно существо не желает с ним разговаривать.

— Эй! — услышал он чей-то шепот неподалеку. Вне сомнений, над ним опять потешаются. Посмотрите на Конора О'Мэлли — сидит, как неподвижная глыба. Ну и чудак.

— Эй! — вновь услышал он, в этот раз шепот стал настойчивее.

Он понял, что обращаются к *нему*.

Лили сидела через проход от него — она занимала это место все те годы, что они учились в школе. Девочка смотрела на миссис Марл, но рука ее незаметно протягивала записку.

Записку для Конора.

— *Возьми*, — прошептала она уголком рта, помахав запиской.

Конор взглянул на миссис Марл, чтобы удостовериться, что она ничего не замечает — учительница увлеченно делилась легким разочарованием, вызванным чрезвычайным сходством автобиографии Салли с биографией одного насекомообразного супергероя. Конор потянулся через проход и взял записку.

Она была сложена, как казалось, раз сто, и развернуть ее было так же непросто, как развязать узел. Конор бросил на Лили раздраженный взгляд, но она по-прежнему делала вид, что смотрит на учительницу.

Конор разгладил бумажку по парте и прочел написанное. Несмотря на то что записка была сложена таким тщательным образом, состояла она всего из четырех строчек.

Четыре строчки — и весь мир утих.

Прости, что рассказала всем про твою маму, — прочел Конор в первой строке.

Я скучаю по нашей дружбе, — прочел во второй.

У тебя все хорошо? — прочел в третьей.

Я вижу тебя, — прочел в четвертой. Слово «Я» было подчеркнуто раз сто.

Он перечитал записку еще раз. И еще раз.

Он посмотрел на Лили, которую в это время расхваливала на все лады миссис Марл, он видел,

что Лили сидит вся пунцовая — не только из-за слов учительницы.

Миссис Марл проследовала мимо Конора, не уделив ему внимания.

Когда она отошла, Лили взглянула на него. Взглянула прямо ему в глаза.

Она была права. Она видела его, в самом деле *видела*.

Прежде чем заговорить, Конору пришлось сглотнуть.

— Лили, — начал было он, но тут распахнулась дверь класса, и вошел школьный секретарь, подзвал миссис Марл и что-то ей прошептал.

После чего они оба повернулись и взглянули на Конора.

Бабушка Конора остановилась у двери в мамину палату.

— Вы не зайдете? — спросил Коносор.

Бабушка отрицательно покачала головой.

— Я буду в приемной, — сказала она и оставила его в одиночестве.

Желудок у Конора вновь сжался от неприятного предчувствия — он не знал, что ждет его в палате. Его еще никогда не забирали из школы прямо

посреди уроков, даже на прошлую Пасху, когда маму положили в больницу.

Вопросы лихорадочно крутились у него в голове.

Вопросы, которые он игнорировал.

Он распахнул дверь, опасаясь худшего.

Но мама не спала, а сидела, спинка кровати была поднята. Более того, мама улыбалась, и на мгновение сердце Конора так и подскочило. Видимо, лекарство помогло. Тисовое дерево исцелило ее. Монстр выполнил свое обещание...

А потом он заметил, что мамины глаза совсем не улыбаются. Она была очень рада его видеть, но и напугана. И печальна. А еще он никогда не видел ее такой усталой — а это о чем-то да говорит.

Его не стали бы забирать из школы, чтобы сообщить, что ей стало чуть лучше.

— Здравствуй, сынок, — сказала она, ее глаза наполнились слезами, а в голосе послышалась слабость.

Конор ощутил, что в нем начинает закипать злость.

— Иди сюда, — сказала мама, похлопав по покрывалу рядом с собой.

Но он туда не сел, а опустился на стул рядом с ее постелью.

— Как у тебя дела, сынок? — спросила она, голос ее был слабым, а дыхание — еще более воздуш-

ным, чем вчера. Казалось, сегодня в нее воткнули гораздо больше трубок, через которые в ее организм поступали лекарства, кислород и... кто знает, что еще? Она была без шарфа, и ее обнажившаяся голова белела в свете флуоресцентных ламп. Конон ощутил почти непреодолимое желание срочно покрыть эту голову чем-нибудь, пока никто не увидел, до чего же она незащитна, спрятать эту наготу.

— Что происходит? — спросил он. — Почему бабушка забрала меня из школы?

— Я хотела тебя *увидеть*, — ответила она. — А учитывая, что морфий отправляет меня в мир грез, я не была уверена, что у меня будет возможность сделать это позже.

Конон крепко скрестил руки на груди.

— Иногда по вечерам ты не спишь, — сказал он. — Мы могли бы увидеться и вечером.

Он осознал, что задает вопрос. Осознавал, что и ей это ясно.

И когда она заговорила, он понял, что она ему отвечает.

— Я хотела увидеться с тобой *сейчас*, Конон, — и снова голос был слабым, а глаза — полными слез.

— Вот и весь разговор, да? — спросил Конон резче, чем хотел. — Вот и...

Он не закончил свою мысль.

— Сынок, посмотри на меня, — попросила мама, потому что он уставился в пол.

Он медленно поднял на нее глаза. Она улыбалась невероятно усталой улыбкой, Конор заметил, насколько сильно она вжалась в подушки — будто ей не хватало сил даже на то, чтобы держать голову. Он понял, что спинку кровати подняли потому, что иначе она попросту не смогла бы его увидеть.

Перед тем, как о чем-то сообщить, она сделала глубокий вдох, из-за чего у нее начался приступ ужасного, тяжелого кашля. И только через несколько долгих секунд она вновь смогла говорить.

— Сегодня утром я общалась с врачом, — произнесла она слабым голосом. — Новое лекарство не помогает, Конор.

— То, что из тисового дерева?

— Да.

Лицо Конора помрачнело.

— Как оно может не помогать?!

Мама сглотнула.

— Болезнь прогрессирует чересчур быстро. Надежды и так было мало. А теперь еще эта инфекция...

— Но как оно может не *помогать*? — снова спросил Конор, будто бы задавая вопрос кому-то третьему.

— Знаю, — сказала мама все с той же грустной улыбкой. — Глядя на то тисовое дерево каждый день, ты думал о том, что у меня есть друг, который придет на выручку, если все станет хуже некуда.

Конор все сидел со скрещенными руками.

— Но лекарство *не* помогло.

Мама легонько покачала головой. Выражение ее лица было встревоженным, и Конор понял, что причина ее тревог — *он*.

— Ну а теперь-то что? — спросил Конор. — Какое лекарство будут пробовать дальше?

Она не ответила. Что само по себе было ответом.

Но Конор все равно произнес его вслух:

— Других лекарств нет. — И это было утверждением, а не вопросом.

— Мне так жаль, сынок, — сказала мама, и из глаз ее потекли слезы, хоть она и продолжала улыбаться. — Как никогда в жизни.

Конор вновь усталился в пол. Казалось, он больше не мог дышать — будто ночной кошмар выжимал из него весь воздух.

— Ты говорила, что лекарство поможет, — сказал он подрагивающим голосом.

— Знаю.

— Ты *говорила*. Ты *верила*, что оно поможет.

— Знаю.

— Ты лгала, — сказал Конор, поднимая на нее глаза. — Ты лгала мне все это время.

— Я *действительно* верила, что лекарство поможет, — сказала она. — Возможно, поэтому я все еще жива. Потому что верю, чтобы и *ты* верил.

Она потянулась рукой к его руке, но он убрал ее.

— Ты лгала, — повторил он.

— Думаю, в глубине души ты всегда это чувствовал, — произнесла мама. — Разве нет?

Конор не ответил ей.

— Твоя злость — это нормально, милый, — сказала она. — Абсолютно нормально. Я тоже очень злюсь, если честно. Но я хочу, чтобы ты знал, Конор, мне важно, чтобы ты меня выслушал. Ты слушаешь?

Она снова потянулась к нему. Через мгновение он дал ей свою руку, но ее хватка была очень, *очень* слабой.

— Не сдерживай свою злость, — сказала она. — И не давай никому ее сдерживать. Ни бабушке, ни папе, никому. И если тебе нужно ломать и крушить все вокруг — ради Бога, ломай и круши хорошенько и изо всех сил.

Он не мог смотреть на нее.

Просто *не мог*.

— И если однажды, — сказала она, уже не сдерживая рыданий, — ты обернешься назад и почувствуешь вину за то, что в тебе было столько злости, за то, что ты *так сильно* злился на меня, что даже говорить со мной не мог, вспомни, Конор, непременно вспомни, что это *нормально*. Совсем не страшно. Вспомни, что я *знала*. Я *знаю*, понимаешь? Я знаю все, что ты хочешь мне сказать — так что и вслух произносить не обязательно. Договорились?

Он все не мог смотреть на нее. Не мог поднять головы — она вдруг сделалась такой тяжелой. Его словно разорвало пополам.

Но он кивнул.

Конор слышал, как она вздохнула глубоко и хрипло, слышал облегчение в этом вздохе, слышал и крайнюю усталость.

— Прости, сынок, — сказала она. — Мне нужно принять обезболивающее.

Он отпустил ее руку. Мама потянулась и нажала кнопку больничного прибора — он контролировал обезболивающие лекарства, настолько мощные, что после их приема она моментально засыпала. Нажав на кнопку, она снова взяла его руку в свою.

— Вот бы у меня была сотня лет... — очень тихо сказала она. — Сотня лет, которую я могла бы провести с тобой.

Конор ей не ответил. Через несколько секунд лекарство подействовало, и мама уснула, но это уже не имело значения.

Разговор состоялся.

Сказать больше было нечего.

— Конор? — позвала бабушка, просунув голову в дверной проем чуть позже — Конор точно не знал, сколько прошло времени.

— Я хочу домой, — тихо сказал он.

— Конор...

— К *себе* домой, — сказал он, поднимая голову, его глаза покраснели от горя, от стыда, от *злости*. — Туда, где растет тисовое дерево.

Какой в тебе толк?

— Я поеду обратно в больницу, Конор, — сказала бабушка, высадив Конора у его дома. — Не хочу оставлять маму в таком состоянии. Что ты тут позабыл такого важного?

— Мне нужно кое-что сделать, — ответил Конор, глядя на дом, в котором провел всю свою жизнь. Дом казался пустым и чужим, хотя Конор уехал отсюда совсем недавно.

Он вдруг понял, что, возможно, ему придется уехать отсюда навсегда.

— Я вернусь за тобой через час, — сказала бабушка. — Ужинать будем в больнице.

Конор ее не слушал. Он уже захлопнул за собой дверь машины и отвернулся.

— Через час! — крикнула ему бабушка из-за закрытой двери. — Чтобы через час был здесь.

А Конор уже поднимался по ступенькам крыльца.

— Конор? — позвала бабушка. Но он не обернулся.

Он едва слышал, как она выехала на дорогу и унеслась прочь.

В доме пахло пылью и застоявшимся воздухом. Конор даже не потрудился закрыть за собой дверь. Он пошел напрямиком на кухню и выглянул в окно.

На холме стояла церковь. Церковное кладбище сторожило возвышающееся над ним тисовое дерево.

Конор прошел через сад позади дома. Потом взобрался на садовый столик, за которым его мама в летнюю пору любила сидеть и пить крешон, оттуда — на забор, перелез через него и спрыгнул. Последний раз он делал так, когда был еще совсем-совсем маленьким — это было настолько давно, что наказывал его за это еще папа. Дыра в ограждении из колючей проволоки у железнодорожных

путей по-прежнему существовала, протискиваясь в нее, он порвал рубашку — но ему не было до этого никакого дела.

Переходя рельсы, он почти не следил за тем, не приближается ли поезд. Потом он перелез еще через один забор и оказался у подножия холма, на вершине которого стояла церковь. Он перескочил через невысокую каменную ограду, окружавшую холм, и начал подниматься наверх, лавируя между надгробиями и не сводя глаз с дерева.

Которое все это время оставалось деревом.

Конор помчался к нему.

— Просыпайся! — закричал он еще до того, как оказался у тиса. — ПРОСЫПАЙСЯ!

Он подбежал к стволу и начал пинать его ногами.

— Я сказал, *просытайся!* Мне плевать, сколько сейчас времени!

Он пнул дерево еще раз.

И сильнее.

И еще раз.

И дерево отступило назад, да так быстро, что Конор потерял равновесие и упал.

— *Перестань, а то поранишься,* — предостерег монстр, возвышаясь над ним.

— Не помогло! — закричал Конор, поднимаясь на ноги. — Ты обещал, что тисовое дерево ее вылечит, а оно не помогло!

— Я сказал, что, если ее можно вылечить, тисовое дерево ее вылечит, — произнес монстр. — Выходит, что нельзя.

В груди Конора нарастала злость, и сердце яростно забилося о ребра. Он бросился на ноги монстра и принялся колотить руками по коре, от чего на ней тут же появились глубокие царапины.

— Вылечи ее! Ты должен ее вылечить!

— *Конор*, — сказал монстр.

— Какой в тебе *толк*, если ты не можешь ее вылечить? — спросил Конор, не прекращая бить по стволу. — Только и умеешь, что рассказывать глупые истории, устраивать мне пакости, из-за которых все смотрят на меня так, будто я болен какой-то страшной болезнью...

Он замолчал, потому что монстр опустил руку, схватил его и поднял в воздух.

— *Ты сам меня позвал, Конор О'Мэлли*, — сказал он, серьезно глядя на Конора. — *И у тебя самого есть ответы на эти вопросы.*

— Если я тебя и звал, так для того, чтобы ты спас ее! Чтобы ты ее вылечил! — воскликнул Конор. Лицо его было пунцовым, а по щекам текли слезы, которых он даже не замечал.

Листья монстра зашелестели, словно их охватил долгий, неспешный порыв ветра.

— *Я явился не для того, чтобы вылечить твою маму*, — сказал монстр. — *Я явился, чтобы вылечить тебя.*

— Меня? — спросил Конор, перестав вырывать-
ся из гигантской ладони. — *Меня* не надо лечить.
Моя мама, вот кто...

Но он не мог этого произнести. Даже теперь.
Хоть у них и состоялся разговор. Хоть он все это
время знал. *Конечно*, знал, *конечно*, и как бы силь-
но ему ни хотелось верить, что это неправда, —
разумеется, он все знал. Но *все еще* не мог этого
произнести.

Не мог сказать, что она...

Слезы безостановочно текли по его щекам,
ему было трудно дышать. Казалось, его скручивает
и разрывает на части.

Он поднял глаза на монстра.

— Помоги мне, — тихо взмолился он.

— *Пришло время для Четвертой Истории*, —
сказал монстр.

Конор закричал от злости:

— Нет! Я совсем не об этом! Происходят куда
более важные события!

— *Да*, — подтвердил монстр. — *Происходят*.

Он раскрыл свободную ладонь.

Их вновь охватил туман.

Они вновь оказались в самой пучине кошмара.

Четвертая история

Даже в огромной, сильной ладони монстра Конор чувствовал, как в него проникает ужас, чувствовал, как мрак начинает заполнять легкие и душить его, чувствовал, как внутри будто бы что-то обрывается...

— Нет! — закричал он, вновь начиная вырываться, но монстр держал его крепко. — Нет! Пожалуйста!

Холм, церковь, кладбище — все исчезло, даже солнце, и они остались посреди холодного мрака, который начал преследовать Конора еще до того,

как мама впервые попала в больницу, еще до того, как она начала принимать лекарства, от которых у нее выпали волосы, еще до того, как она заболела гриппом, пошла к врачу, и оказалось, что это вовсе не грипп, еще до *того*, как она начала жаловаться на усталость, еще до всего этого, — казалось, кошмар был с ним *целую вечность*, ходил за ним по пятам, охватывал его, отрезал от жизни, оставлял в одиночестве.

Казалось, что всю свою жизнь Конор провел в этом кошмаре.

— Забери меня отсюда! — закричал он. — Пожалуйста!

— *Пришло время для четвертой истории*, — повторил монстр.

— Не знаю я никаких историй! — воскликнул Конор. Страх завладел его разумом.

— *Если ты сам ее не расскажешь*, — произнес монстр, — *мне придется рассказывать за тебя*. — Он поднес Конора ближе к своему лицу. — *И, поверь мне, ты об этом пожалеешь*.

— Прошу тебя, — снова взмолился Конор. — Мне нужно вернуться к маме.

— *Но ведь она уже здесь*, — сказал монстр, поворачиваясь в темноте.

Монстр резко опустил его на землю — почти бросил, — и Конор повалился на колени.

Он узнал холодную землю под своими руками, узнал полянку, с трех сторон окруженную непро-

ходимым лесом, узнал и то, что было с четвертой стороны — обрыв, за которым зияла чернота.

А на краю обрыва она, его мама.

Она стояла спиной к нему, но смотрела на него через плечо и улыбалась. Она выглядела такой же слабой, как и в больнице, но молча махала ему.

— Мама! — закричал Конор, чувствуя, что тело стало слишком тяжелым, чтобы стоять — так было каждый раз, когда начинался кошмар. — Нужно уходить отсюда!

Мама не шевельнулась, но слова Конора ее слегка обеспокоили.

Собрав все силы, Конор пошел вперед.

— Мама, надо бежать!

— У меня все хорошо, сынок, — сказала она. — Не о чем беспокоиться.

— Мама, беги! Пожалуйста, *беги!*

— Но, милый, ведь...

Она замолчала и повернулась к краю обрыва, будто что-то услышала.

— Нет, — прошептал Конор самому себе. Он сделал пару шагов навстречу маме, но она была слишком далеко, так далеко, что он не мог подоспеть вовремя, и в теле была такая *тяжесть*...

По ту сторону обрыва послышался низкий звук. Раскатистый, *гулкий* шум.

Будто бы там, внизу, двигалось нечто огромное.

Больше, чем целый мир.

И оно взбиралось наверх.

— Конор? — позвала мама, обернувшись к нему.

Но Конор знал: уже слишком поздно.

Приближался настоящий монстр.

— Мама! — закричал Конор, заставляя себя подняться на ноги, изо всех сил сопротивляясь невидимому весу, что давил на него. — МАМА!

— Конор! — закричала мама, отступая от края обрыва.

Но шум становился все громче. И громче. И еще громче.

— МАМА!

Он знал, что не успеет.

Потому что тут же послышался рев, и в облаке слепящего мрака над краем обрыва появились два гигантских кулака. На какое-то время они зависли над мамой, которая пыталась сделать хоть несколько шагов назад.

Но она была очень слаба, слишком слаба...

Оба кулака резко и хищно ринулись вниз, схватили маму и потащили ее за край обрыва.

Конор наконец-то смог бежать. С криками он бросился через поляну, он несся так быстро, что чуть не падал, он спешил прямо к маме, к ее протянутым рукам, а гигантские кулаки тащили ее за край обрыва.

Он схватил ее руки своими.

Таким был его кошмар. Кошмар, из-за которого он с криками просыпался каждую ночь. Кошмар, происходящий прямо *здесь* и сейчас.

Он стоял на краю обрыва, собрав все свои силы, и держал маму за руки так крепко, как только мог, пытаясь не допустить, чтобы ее утянуло во мрак, пытаясь отобрать ее у существа, притаившегося по ту сторону обрыва.

Теперь он мог разглядеть это существо.

Это был *настоящий* монстр, тот, которого он действительно боялся, тот, которого он ожидал увидеть, когда тисовое дерево впервые появилось, настоящий монстр из кошмарного сна, чудовище из дымных клубов, пепла и темного пламени, наделенное истинной силой, истинной мощью, глядящее на Конора красными, горящими во мраке глазами, чудовище со сверкающими зубами, готовыми заживо съесть его маму. «*Видал и похуже*», — как сказал Конон тисовому дереву в их первую встречу.

И вот оно, это самое «похуже».

— Конон, помоги мне! — взмолилась мама. — Не отпускай!

— Не отпускай! — громко ответил Конон. — Обещаю!

Монстр из кошмара заревел и потянул сильнее, крепко сжимая маму в своих кулаках.

И она начала выскальзывать из рук Конона.

— Нет! — завопил он.

Мама кричала от страха.

— Прошу тебя, Конор! Держи меня крепче!

— Хорошо! — крикнул Конор. Он обернулся к тисовому дереву, которое неподвижно стояло позади. — Помоги мне! Я не могу ее удержать!

Но дерево стояло неподвижно и наблюдало.

— Конор! — закричала мама.

Ее руки выскальзывали.

— *Конор!* — снова прокричала она.

— Мама! — заорал Конор, сжимая руки крепче и крепче.

Но ее ладони выскальзывали из его рук, она становилась все тяжелее и тяжелее, а монстр из кошмара тянул все сильнее и сильнее.

— Меня утягивает! — закричала мама.

— НЕТ! — проорал Конор.

Он упал на грудь — слишком уж тяжелой стала мама, и слишком уж сильно тянули ее чудовищные кулаки.

Она закричала снова.

И снова.

Она была такой *тяжелой* — невозможно тяжелой.

— Пожалуйста, — прошептал Конор себе под нос. — *Пожалуйста.*

— *А вот и четвертая история,* — сказала тисовое дерево за его спиной.

— Замолчи! — крикнул Конор. — Лучше *помоги* мне.

— *Вот правда Конора О'Мэлли.*

Мама кричала.

И выскальзывала.

Ее было очень трудно удерживать.

— *Сейчас или никогда*, — сказала тисовое дерево. — *Ты должен сказать правду.*

— Нет! — запротестовал Конон срывающимся голосом.

— *Ты должен.*

— Нет! — снова воскликнул Конон, вглядываясь в мамино лицо...

И как только правда вдруг стала известной...

Как только кошмар достиг своей кульминации...

Конон вновь крикнул:

— Нет!

И мама упала.

Конец четвертой истории

На этом моменте он обыкновенно просыпался. Когда мама с криками выскальзывала из его рук и падала в бездну, когда ночной кошмар забирал ее навсегда, и ее было уже не вернуть, тогда он обычно садился в постели, весь в поту, сердце его колотилось так быстро, что ему казалось, что он вот-вот умрет.

Но в этот раз он не проснулся.

Вокруг по-прежнему был кошмар. Тис по-прежнему стоял позади.

— *История еще не окончена*, — произнес монстр.

— Забери меня отсюда, — попросил Конор, с трудом поднимаясь на ноги. — Мне нужно увидеться с мамой.

— *Ее здесь больше нет, Конор*, — сказал монстр-дерево. — *Ты ее отпустил.*

— Это же просто кошмарный сон, — сказал Конор, тяжело дыша. — Это неправда.

— *Правда*, — сказал монстр. — *И ты сам это знаешь. Ты ее отпустил.*

— Она сама упала, — сказал Конор. — Я не мог ее больше удерживать. Она так *потяжелела*.

— *Поэтому ты ее отпустил.*

— Она сама *упала!* — почти в отчаянии воскликнул Конор срывающимся голосом. Грязное пепельное облако, в котором исчезла мама Конора, вновь повисло над обрывом, от него клубами шел дым, который Конор неизбежно вдыхал. Дым, будто воздух, ворвался в его рот и нос, наполнил его собой, начал душить. Даже каждый вдох давался с трудом.

— *Ты ее отпустил*, — сказал монстр.

— Не отпускал! — закричал Конор надломленным голосом. — Она сама упала!

— *Ты должен сказать правду — иначе ты никогда не выберешься из этого кошмара*, — сказал монстр, опасно нависая над Конором, и голос его звучал как никогда пугающе. —

Ты останешься здесь в одиночестве до конца жизни.

— Пожалуйста, забери меня отсюда! — завопил Коно́р, пытаясь отойти назад. Он вскрикнул от страха, когда увидел, что черные путы кошмара сковали ему ноги. Эти черные щупальца повалили его наземь и начали обвивать и руки тоже.

— Помоги мне!

— *Говори правду!* — велел монстр твердым и пугающим голосом. — *Говори правду или оставайся здесь навечно.*

— Какую правду? — вскричал Коно́р, отчаянно пытаясь справиться с щупальцами. — Я не знаю, о чем ты!

Внезапно из темноты выплыла голова монстра и застыла в нескольких дюймах от лица Коно́ра.

— *Знаешь,* — сказал монстр низким, грозным голосом.

И вдруг повисла неожиданная тишина.

...

Коно́р и в самом деле знал.

Всегда знал.

Знал правду.

Настоящую правду. Правду из ночного кошмара.

— Нет, — тихо сказал он, когда черные путы закрутились вокруг его шеи. — Нет, не могу.

— *Должен.*

— Не могу, — повторил Коно́р.

— *Можешь*, — сказал монстр, и Конор уловил перемену в его голосе. Там появилась какая-то новая нотка.

Нотка доброты.

Глаза Конора наполнились слезами. Слезы потекли по его щекам, и он был не в силах их остановить — он даже вытереть их не мог, потому что щупальца кошмара облепили его, практически обездвижили.

— Прошу, не заставляй... — произнес Конор, — не заставляй меня это говорить.

— *Ты ее отпустил*, — сказал монстр.

Конор замотал головой.

— Пожалуйста...

— *Ты ее отпустил*, — повторил монстр.

Конор крепко зажмурился.

А потом кивнул.

— *Ты мог бы удерживать ее и дальше*, — сказал монстр, — *но ты позволил ей упасть. Ты ослабил хватку и отдал ее кошмару.*

Конор вновь кивнул с перекошенным от боли и слез лицом.

— *Ты хотел, чтобы она упала.*

— Нет, — сказал Конор, глотая слезы.

— *Ты хотел, чтобы она ушла.*

— *Нет!*

— *Ты должен сказать правду, и прямо сейчас, Конор О'Мэлли. Скажи. Ты должен.*

Конор снова замотал головой, крепко сжав челюсти; он чувствовал жар в груди — будто бы кто-

то развел в ней костер, будто в нем горело маленькое солнце, которое сжигало его изнутри.

— Я умру, если скажу это, — задыхаясь, с трудом произнес он.

— *Ты умрешь, если не скажешь*, — произнес монстр. — *Ты должен сказать*.

— Не могу.

— *Ты ее отпустил. Почему?*

Теперь мрак начал закрывать Конору глаза, он заткнул ему нос и забил рот. Конор тщетно пытался схватить ртом воздух. Мрак душил его. Мрак убивал его...

— *Почему, Конор?* — строго спросил монстр. — *Скажи мне, ПОЧЕМУ. Пока еще не слишком поздно!*

Огонь в груди Конора неожиданно вспыхнул, разгорелся, словно хотел съесть его живьем. Да, он знал, какой была правда. В горле зародился стон, стон, перешедший в плач, а потом в долгий бессловесный вопль — Конор открыл рот, и из него вырвался огонь, вырвался, чтобы пожрать все, осветил темноту, осветил тисовое дерево, поджег его, как и весь остальной мир, опалил за секунду, а Конор все кричал, кричал, кричал от боли и горя.

И наконец сказал те самые слова.

Сказал правду.

Окончил четвертую историю.

— Потому что *невыносимо!* — выкрикнул он, а огонь вокруг все бушевал. — *Невыносимо* знать,

что она умрет. Я хочу, чтобы все прекратилось.
Хочу, чтобы всему этому *пришел конец!*

И огонь пожрал весь мир и унес с собой все —
и Конора тоже.

Он встретил это пламя с облегчением — в конце концов, это было то самое наказание, которое он заслужил.

Жизнь после смерти

Конор открыл глаза. Он лежал на траве холма, что возвышался над его домом.

Все еще живой.

Обстоятельство, хуже которого не придумаешь.

— Почему огонь меня не сжег? — простонал он, пряча лицо в ладонях. — Я заслужил самое ужасное из наказаний.

— *Так ли?* — спросил монстр, который стоял над ним.

Конор заговорил, говорил он с болью, медленно, с трудом вытягивая из себя слова.

— Я уже давно об этом думаю, — признался он. — Я всегда знал, что она не поправится — знал почти с самого начала. Она говорила, что ей станет лучше, потому что мне хотелось слышать именно это. И я ей верил. Нет, только делал вид.

— *Верно*, — сказал монстр.

Конор сглотнул, говорить ему было по-прежнему непросто.

— И я стал думать о том, как же сильно мне хочется, чтобы все это *закончилось*. Как сильно мне хочется перестать *думать* обо всем этом. Стал думать о том, насколько невыносимо ожидание. Насколько невыносимо то одиночество, которое настигло меня из-за всего, что произошло.

Он заплакал по-настоящему, так горько, как никогда раньше — даже в тот день, когда узнал о маминой болезни.

— *Часть тебя хотела, чтобы все это просто закончилось, даже если ради этого завершения придется ее потерять*, — сказал монстр.

Конор кивнул, он едва мог говорить.

— *И начался ночной кошмар. Кошмар, который всегда заканчивался тем, что...*

— Я отпускал ее, — выдохнул Конор. — Я мог удерживать ее и дальше, но отпускал.

— *Это и есть правда*, — сказал монстр.

— Но я *не собирался!* — воскликнул Конор срывающимся голосом. — Не собирался ее отпустить!

А теперь все взаправду! Она скоро умрет — и это моя вина!

— *А вот это уже не правда,* — сказал монстр.

Горе Конора имело физическую природу, оно защемило его, как скоба, зажало его, как порой зажимает мышцу. Под его *тяжестью* он практически не мог дышать и вновь припал к земле, мечтая о том, чтобы она забрала его раз и навсегда.

Он уже почти лишился чувств, когда ощутил, что оказался в огромных ладонях монстра, сложенных так, чтобы ему было удобно в них лежать. Он чувствовал легкое движение листьев и веточек, которые шевелились вокруг него, чтобы сделать его ложе мягче и шире.

— Это я виноват, — сказал Кононор. — Я ее отпустил. Это моя вина.

— *Это не твоя вина,* — произнес монстр, и его голос закружил вокруг Кононора, как ветерок.

— Моя.

— *Ты всего-навсего хотел, чтобы прекратилась боль,* — сказал монстр. — *Твоя личная боль. Чтобы из-за нее ты не был больше оторван от мира. Это самое человеческое желание на свете.*

— Я не хотел этого, — сказал Кононор.

— *Хотел,* — сказал монстр. — *И в то же время не хотел.*

Кोनор шмыгнул носом и поднял глаза на огромное, будто стена, лицо монстра.

— Как и то, и другое может одновременно быть правдой?

— *Дело в том, что люди — сложные чудовища, — произнес монстр. — Как удалось королеве быть и доброй волшебницей, и злой ведьмой? Как удалось принцу быть и убийцей, и спасителем? Откуда у знахаря с его отвратительным характером правильные мысли? А у священника — с его добрым нравом — мысли неправильные? Почему одиночество невидимок только усиливается, когда их начинают замечать?*

— Не знаю, — признался обессиленный Конор, пожимая плечами. — Я никогда не понимал смысла твоих историй.

— *А ответ таков: совершенно не важно, о чем ты думаешь, потому что твой разум противоречит самому себе по сотне раз в день, — сказал монстр. — Ты хотел, чтобы мама умерла, и в то же время отчаянно умолял меня спасти ее. Твой разум верил в спасительную ложь, и в то же время знал жестокую правду, из-за которой и приходилось лгать. И твой разум накажет тебя, если ты согласишься и тому, и другому.*

— Но как его победить? — спросил Конор твердым голосом. — Как побороть все эти внутренние противоречия?

— *Нужно говорить правду, — ответил монстр. — Так, как ты это только что сделал.*

Конор вновь вспомнил мамины руки, как они цеплялись за него, как он их отпустил...

— Ну хватит, Конор О'Мэлли, — мягко сказал монстр. — Я являлся тебе вот зачем: чтобы рассказать тебе все это и тем самым помочь выздороветь. Ты должен послушать меня.

Конор сглотнул.

— Я слушаю.

— Жизнь пишется не словами, — начал монстр, — а делами. Не важно, какие мысли у тебя в голове. Важно, что ты делаешь.

Повисла долгая тишина, пока Конор пытался восстановить дыхание.

— Так что же мне делать? — наконец спросил он.

— То же самое, что ты только что сделал, — ответил монстр. — Говорить правду.

— Всего-то?

— Думаешь, это просто? — Две огромные брови монстра поднялись. — Ты был готов умереть, лишь бы этого избежать.

Конор посмотрел на свои руки и наконец разжал кулаки.

— Потому что в моей голове жила такая *неправильная* мысль...

— Это всего лишь мысль, — сказал монстр, — одна из миллиона. А не дело.

У Конора вырвался длинный, все еще прерывистый вздох.

Но он уже не задыхался. Ночной кошмар не переполнял его, не сжимал его грудь, не тащил его вниз.

Сказать по правде, он больше не ощущал никакого кошмара.

— Я так устал... — прошептал Конон, закрывая лицо руками. — Так устал от всего этого.

— *Тогда посты,* — посоветовал монстр. — *У тебя есть на это время.*

— Правда? — пробормотал Конон, вдруг ощутив, что глаза слипаются.

Монстр продолжил менять форму ладоней, делая гнездо из вороха листьев, в котором лежал Конон, еще удобнее.

— Я хочу увидеть маму, — запротестовал было мальчик.

— *Увидишь,* — сказал монстр. — *Обещаю.*

Конон открыл глаза.

— А ты там будешь?

— *Буду,* — подтвердил монстр. — *Там я явлюсь тебе в последний раз.*

Конон почувствовал, как уплывает из реальности — его подхватил поток сна, настолько сильный, что мальчик не смог ему противиться.

Но перед тем как уснуть, Конон вспомнил про один вопрос, вдруг возникший в его голове.

— Почему ты все время приходишь в двенадцать ноль семь? — спросил он.

И уснул прежде, чем монстр ответил.

Кое-что общее

— Ох, слава богу!

Слова просочились в сознание Конора еще до того, как он толком проснулся.

— Конор! — услышал он, а затем отчетливее: — *Конор!*

Бабушкин голос.

Он открыл глаза и медленно сел. Спустилась ночь. Сколько же он спал? Он огляделся. Он все еще был на холме за домом, он лежал, устроив-

шись, как в гнездышке, в корнях тисового дерева, что возвышалось над ним. Конор посмотрел наверх. И увидел обыкновенное дерево.

Но мальчик мог поклясться, что в то же время было в нем что-то особенное.

— КОНОР!

Бабушка бежала к нему от церкви, оставив у дороги свою машину с непогашенными фарами и работающим двигателем. Пока бабушка спешила к Конору, он успел подняться. На ее лице он заметил досаду, облегчение и что-то еще, что-то, из-за чего у него внутри все сжалось.

— О, слава богу! Слава БОГУ! — прокричала она, добежав до внука.

А потом сделала удивительную вещь.

Обняла его так крепко, что они оба чуть не упали. Им удалось удержаться лишь благодаря тому, что Конор схватился за ствол тиса. Потом она отпустила его и начала ругаться *не на шутку*.

— Где ты БЫЛ? — практически вопила она. — Я тебя ЧАСАМИ искала! БЕГАЛА ТУДА-СЮДА, Конор! И О ЧЕМ ТЫ ТОЛЬКО ДУМАЛ?

— Мне нужно было кое-что сделать, — начал Конор, но она уже тянула его за руку.

— Нет времени, — сказала она. — Нам пора идти. Надо идти *сейчас же*.

Бабушка отпустила его и со всех ног понеслась к машине, что одновременно и встревожило, и удивило Конора, и он почти на автомате бросился за ней, запрыгнул на пассажирское сиденье

и даже не успел закрыть дверь, как машина, взвизгнув шинами, уже тронулась с места и помчалась.

Он не посмел спросить, отчего они так торопятся.

— Конор, — начала бабушка, пока автомобиль с пугающей скоростью летел по дороге. Только тогда он взглянул на нее и заметил, что ее глаза покраснели от слез и что ее бьет дрожь. — Конор, ты не можешь... — Дрожь усилилась, и мальчик увидел, что бабушка крепче вцепилась в руль.

— Бабуль... — начал он.

— Не надо, — остановила она. — Пожалуйста, не надо.

Какое-то время они неслись в тишине мимо знаков «Уступи дорогу», едва успевая их заметить. Конор проверил, пристегнут ли он.

— Бабуль... — снова позвал Конор, собираясь с духом, когда они перескочили ухаб.

Она все жала на газ.

— Прости меня, — тихо сказал он.

Она засмеялась, и смех ее был грустным и тихим. И покачала головой.

— Это все не важно, — сказала она. — Не важно.

— Не важно?

— *Разумеется*, не важно, — подтвердила она и снова заплакала. Но она была не из тех бабушек, что позволяют слезам помешать себе говорить. — Знаешь что, Конор, — сказала она, — а ведь мы с тобой не очень-то уживаемся.

— И правда, не особо, — ответил Конор.

— Мне тоже так кажется... — Бабушка так резко крутанула руль на повороте, что Конору пришлось схватиться за ручку двери, чтобы не упасть. — Но, знаешь, нам придется научиться, — проговорила она.

Конор слотнул.

— Знаю.

В бабушкином голосе послышались тихие всхлипы.

— Знаешь, да? — спросила она. — Конечно же знаешь.

На подъезде к перекрестку она кашлянула, чтобы прочистить горло, быстро посмотрела по сторонам и поехала прямо на красный свет. Конор задался вопросом, сколько сейчас времени. Машин на дорогах практически не было.

— Но вот что я тебе скажу, внук... — начала бабушка. — Есть у нас кое-что общее.

— В самом деле? — спросил Конор, увидев, что вдалеке показалось здание больницы.

— О да, — сказала бабушка, еще сильнее нажимая на газ, и он заметил, что слезы продолжают течь по ее лицу.

— И что же это? — поинтересовался он.

Она выбрала первое же свободное место, что нашлось на парковке у больницы, захватила на бордюр и резко затормозила.

— Твоя мама, — произнесла она, пристально посмотрев на него. — Вот что у нас общее.

Конор ничего не сказал.

Но он понимал, что она имеет в виду. Его мама была ее дочерью. И самым важным человеком для них обоих.

Несомненно, значимая общность.

Определенно, хороший старт.

Бабушка заглушила двигатель и открыла свою дверь.

— Надо торопиться, — сказала она.

Правда

Бабушка ворвалась в мамину палату раньше Конора, на лице ее читался страшный вопрос. Но внутри оказалась медсестра, которая тут же ответила:

— Все в порядке. Вы вовремя.

Бабушка поднесла руки ко рту и простонала от облегчения.

— Вижу, вы его отыскали, — заметила медсестра, взглянув на Конора.

— Да, — коротко ответила бабушка.

Они вместе с Конором смотрели на больную. В палате было почти совсем темно, горела только небольшая лампа над маминой кроватью. Мама лежала с закрытыми глазами, и дыхание ее звучало так, будто у нее на груди покоилось что-то тяжелое. Медсестра вышла, чтобы не мешать, бабушка села на стул возле маминой кровати и склонилась к дочери, взяв ее за руку. Она крепко держала ее ладонь в своей, целуя и баюкая ее.

— Мам? — услышал Конор. Это был мамин голос, который стал настолько слабым и тихим, что разобрать слова было практически невозможно.

— Я здесь, дорогая, — сказала бабушка, не отпуская маминой руки. — И Конор тоже.

— Правда? — пробормотала мама, не открывая глаз.

Бабушка бросила на него взгляд, по которому он понял, что надо что-нибудь сказать.

— Да, мам, я тут, — подал он голос.

Мама ничего не ответила, только протянула ему свою руку.

В немой просьбе взять ее.

Взять и не отпускать.

— *Вот и конец истории,* — произнес монстр за его спиной.

— Что мне делать? — прошептал Конор.

Он почувствовал, что монстр положил руки ему на плечи. Странно, но в этот раз они были

меньше и подарили Конору спокойствие и поддержку.

— *Тебе нужно сказать правду, только и всего,* — произнес монстр.

— Мне страшно, — признался Конор, чувствуя, что глаза вновь наполняются слезами.

В приглушенном свете он видел бабушку, склонившуюся к своей дочери. Видел мамину руку, по-прежнему протянутую ему, и ее по-прежнему закрытые глаза.

— *Разумеется, тебе страшно,* — сказал монстр, медленно подталкивая Конора вперед. — *И все же ты это сделаешь.*

Руки монстра негрубо, но настойчиво поддвигали Конора к маме, он бросил взгляд на часы над ее кроватью. Оказалось, что уже 23:46.

До 00:07 оставалась еще двадцать одна минута.

Ему хотелось спросить у монстра, что же произойдет потом, но он не осмелился.

Потому что у него было ощущение, что он и так знает.

— *Если скажешь правду, то сможешь справиться со всем, что тебя ожидает,* — прошептал монстр ему на ухо.

И Конор снова посмотрел вниз, на маму, на ее протянутую руку. Он вновь почувствовал, что задыхается и что глаза наполняются слезами.

Однако теперь его душил вовсе не ночной кошмар. Все стало проще и понятнее.

Но ничуть не легче.

Он взял маму за руку.

Она на мгновение открыла глаза и посмотрела на Конора. А потом снова их закрыла.

Но она успела его увидеть.

А он знал, что развязка близка. Знал, что пути назад уже нет. Знал, что все разрешится вне зависимости от его желаний, вне зависимости от его чувств.

И еще знал, что выдержит.

То, что произойдет, будет ужасным. Более чем ужасным.

Но он выживет.

И именно за этим и являлся монстр. За чем же еще? Конор нуждался в монстре и бессознательно его позвал. И тот начал являться ему. Все ради этого момента.

— Ты побудешь здесь? — шепотом спросил Конор у монстра; он едва мог говорить. — Побудешь здесь, пока...

— *Побуду*, — сказал монстр, все еще держа руки на плечах Конора. — *Тебе нужно сказать правду — вот и все.*

И Конор сказал.

Он сделал вдох.

И, наконец, произнес окончательную и полную правду.

— Я не хочу тебя терять, — сказал он, и слезы закапали из его глаз, а потом потекли реками.

— Я знаю, мой хороший, — с трудом ответила мама. — Знаю.

Он ощущал руки монстра, который его поддерживал.

— Я не хочу тебя терять, — повторил он.

Вот и все, что ему требовалось сказать.

Он склонился к маме и обнял ее.

Он держал ее.

Он знал, что момент настанет, и скоро, возможно даже в двенадцать ноль семь. Момент, когда она выскользнет из его рук, и не важно, как крепко он будет ее держать.

— *Не сейчас*, — прошептал монстр, который все еще стоял рядом с ним. — *Еще нет*.

Конор крепко держался за своего монстра.

И благодаря этому смог навсегда ее отпустить.

Содержание

От автора	5
Голос монстра	11
Завтрак	18
Школа	25
Автобиография	30
Три истории	36
Бабушка	44
Дикие истории	51
Первая история	57

Конец первой истории	65
Соглашение	71
Разговор	79
Дом бабушки	85
Молоток	92
У американцев мало выходных	97
Вторая история	103
Конец второй истории	110
Погром	115
Невидимка	120
Тисовые деревья	127
Возможно ли?	132
Без истории	138
Больше я тебя не вижу	143
Третья история	148
Наказание	153
Записка	160
Сотня лет	165
Какой в тебе толк?	172
Четвертая история	177
Конец четвертой истории	184
Жизнь после смерти	190
Кое-что общее	196
Правда	201

Несс Патрик
Голос монстра

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Шеф-редактор *И. Доева*
Художественное оформление: *Д. Брідарская*
Выпускающий редактор *Е. Крылова*
Компьютерная верстка: *Т. Мосалова*
Корректор *И. Павлова*

В оформлении обложки и макета
использованы материалы © Shutterstock.com

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Подписано в печать 16.01.2017 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «GaramondLightITC».
Тираж 3000 экз. Усл. п. л. 13,0. Заказ № 411.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

26.01.17
Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

1 A
Медаль Карнеги и Кейт Гринуэй
Премия «Лучший молодежный роман
Великобритании»

Лучшая книга 2011 года по версии журнала Booklist
British Children's Book of the Year
Red House Children's Book Award

Это Тис — монстр,
который появляется через семь минут после полуночи.
А это Конор — мальчик, у которого есть тайна.
И три истории, рассказанные Тисом. Они
помогут мальчику понять себя и суть этого мира,
который не делится на белое и черное.

«Захватывающе... сильно... ошеломительно».

Филип Пулман,
автор трилогии «Темные начала»

«Это очень грустная, но также невероятно мудрая, смешная
история, где каждое слово скрывает глубокий смысл. “Голос
монстра” — произведение искусства и настоящий подарок
от гениального рассказчика Патрика Несса».

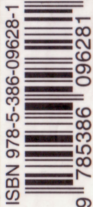
The New York Times

«Удивительная, волнующая, прекрасная сказка... Неповторимый
шедевр о неизбежном, о боли, об испытании, о силе духа
и способности взглянуть правде в глаза».

Publishers Weekly

РИПОЛ
КЛАССИК

SUMMIT ENTERTAINMENT PRESENTS IN ASSOCIATION WITH RIVER ROAD ENTERTAINMENT / PARTICIPANT MEDIA
AN APACHES ENTERTAINMENT - TELECINO CINEMA - A MONSTER CALLS, AIE - LA TRINI PRODUCTION SEBASTIEN WEAVER FELICITY JONES
TOBY KEBBELL LEWIS MACDOUGALL AND JAM NEESON AS THE MONSTER "A MONSTER CALLS" WITH FERNANDO VELAZQUEZ COSTARS BERNAT VILAPLANA
JAUME MARTI PRODUCTION EUGENIO CABALLERO DIRECTOR OF OSCAR PARRA PRODUCED SANDRA HERMIDA EDITOR PATRICK NESS BILL POHLAD JEFF SKOLL
MITCH HORWITZ JONATHAN KING PATRICK WACHSBERGER ENRIQUE LOPEZ LAVIGNE GHISLAIN BARROS ALVARO AUGUSTIN
PRODUCED BY BELEN ATIENZA, P.D.A. SCREENPLAY BY PATRICK NESS BASED UPON THE BOOK BY STOBILAN DOWD SCREENPLAY BY PATRICK NESS DIRECTED BY J.J. BAYONA

A Monster Calls Film.com

WITH THE SUPPORT OF

Generalitat de Catalunya
Institut Català
de les Empreses Culturals